

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

КРАСНОАРМЕЕЦ
ОФИЦЕР РАЗВЕДКИ

Владимир Геннадьевич Поселягин
Офицер разведки
Серия «Боевая фантастика (АСТ)»
Серия «Красноармеец», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69872272

Офицер разведки:

Аннотация

Снова повезло, и Герман Одинцов выжил, убежав в очередной раз из плена. 1943 год, идут бои, наши армии наступают, освобождая Украину и Белоруссию, и офицер разведки как никогда востребован. Но на него началась охота.

Владимир Поселягин

Офицер разведки

Маг махнул рукой, и портал сработал, унося его в какой-то другой мир. Как только хлопок произошел, и фигура парня в синем плаще пропала, я вздохнул и осмотрелся, пробормотав:

– О да, оно есть у меня.

Упав на прошлогоднюю листву и загребая листья, довольно вздыхал.

Думаю, стоит пояснить, кто я такой и что со мной происходило. В подробностях рассказывать не буду, но если кратко, то вот она моя жизнь. Точнее две жизни. В первой жизни я до шестидесяти лет дожил, немного до семидесяти не дотянул. То ли убили, то ли несчастный случай, трос лифта лопнул. Были желающие убить меня, так что особо не сомневался. В той жизни мне два мага встретились в лесу, маг и его ученик, я им помог, и маг отдался, прицепил к моей ауре хранилище небольшое. В пять тонн и семьсот килограммов с мелочью. Сорок лет я владел этим хранилищем. Нардоваться на него не мог. Там стазис. Можно горячие блюда десятилетиями хранить. Когда погиб, очнулся в сорок первом, в теле бойца, красноармейца Германа Одинцова. Хранилище при мне, правда пустое. Так получилось. Ну не совсем пустое, кое-какая мелочь была. Война началась, я решил, что

буду воевать, дослужился до капитана разведки к лету сорок второго года, когда бои за Харьков шли, дважды Герой Советского Союза, но трибунал лишил всего. Даже два месяца на зоне жил, но вернули на фронт. Там снова приключения, отвоевал в Сталинграде, снайпером, чудом остался жив, а когда в Крыму воевал, меня нашел мой командир, с которым под Харьковом воевали, я тогда в гвардейской танковой бригаде служил, начальником разведки. Тот командиром Шестой общевойсковой армии стал, а помня, как я вел разведку и поставлял свежие данные, забрал к себе. Как я разведку вел? Так дрон был. На тридцать километров гонять мог. Из прошлой жизни в хранилище сохранились мини-генератор, коптер, планшет управления, ноут с немалым запасом музыки, фильмов и игрушек. Потом спальник зимний, и автомат «ВАЛ», и пистолет «Глок», оба имели глушители. Дроном вел разведку по ночам. Там камера ночного видения имела, потому и были такие успехи в разведке.

Командарм, генерал-лейтенант Михайлов, не прогадал, взяв меня, его армия к лету сорок третьего наступала такими темпами, что ему упали погоны генерал-полковника и ордена. Я и сам, после трибунала, от простого красноармейца вырос до старшего лейтенанта, офицера разведки штаба армии, имея в наградах три медали «За отвагу» и медаль «За боевые заслуги». За Сталинград ничего выше не давали. А также имел два ордена Красной Звезды. На личном фронте две неожиданности: оказывается, я стал отцом, в резуль-

тате одной из моих многочисленных интрижек. Мать от ребенка отказалась, и я отвез сына в Горький, где как наследство остался дом. Нанял кормилицу. Вторая неожиданность – попал под разрыв бомбы, штаб армии бомбили, получил тяжелую контузию и очнулся в плену. Связали как червяка, охраняли шестеро опытных солдат СС, и вот взлетели. Я в плохом состоянии был, однако убрать веревки в хранилище и достать оттуда ППШ, и нашпиговать всех свинцом смог. Даже лежа надел парашют и вывалился за борт. Когда купол раскрылся, меня вырубил от рывка. А очнулся в полном порядке. Никакой контузии, ничего.

Да, тут вот в подробностях стоит все описать. Оказалось, мое бессознательное тело на лес опускалось, там костер горел, маг отдыхал. Да, мне повезло на него опуститься, и он лекарскими амулетами вылечил меня. Ну, вылечил это громко сказано, просто убрал контузию, чтобы я общаться мог, и снял знание языка и письменности, пока без сознания был, но об этом я узнал позже. Когда очнулся, пообщались. Тот уже изучил русский, нормально поговорили. А он увидел хранилище у меня в ауре и понял, что с магами я встречался. Сам он пытался дважды покинуть лес, но в первый раз подорвался на противопехотной mine, ногу отращивать ему пришлось, когда в лес уполз. Вторая попытка, из пулемета ударили, магическую защиту сбили, тоже ползком ушел. Покидать лес он теперь боялся. А тут я ему на голову свалился, источник информации. А когда понял, кто это, то я и

описал, как первую жизнь прожил, и вот вторую. Тот изучил хранилище и сообщил, что может убрать его и потом поставить куда больше, но я отдам все, что скопил. Торговаться не дал, мне много что нужно было из хранилища. Но именно это все ему и понадобилось. Даже моя форма с наградами и документы. Блин, да я все отдам, если действительно будет увеличение, но дрон терять я не хотел, поэтому попросил магические аналоги. Маг подумал и кивнул, ну и дальше начался торг. Почти час занял, но договорились. Я опустошил свое хранилище, маг все, что там было, убрал в свое, у него больше, есть куда убирать. Потом удалил мое хранилище и посадил в мою ауру несколько плетений, что стали расширять ауру, увеличивая ее, чтобы та могла давать больше энергии. Чем больше дает, тем по объему хранилище больше будет. Как накачается, он закрепит ауру в этом виде, чтобы не уменьшалась, и установит хранилище, высчитав перед этим объем. Он не мог сказать размер сейчас, только после расчетов, но то, что раз в пять оно будет больше прежнего, это точно.

Поясню, что имею в виду. Прошлый маг вообще как-то криво поставил хранилище, странно, что после перерождения оно сохранилось, хотя то, что у меня память осталась от прошлой жизни, – да, вина ее. Сам маг, видимо, был из другого мира, он артефактор, в его мире уже давно разработали для простецов методики установки хранилищ большего объема и безопасных для них. Так что мы ударили по ру-

кам, я все отдал, а тот приступил к работе. Также поторговались по замене, для начала он меня полностью излечил, убрал все старые травмы, контузии, последствия переохлаждения и простуды. Все убрал. Правда, он шрамы и родинки тоже убрал, но ничего страшного, переживу. Что касается замены, то я особенно насчет коптера переживал, пояснил, что военный, офицер разведки, и без него никак нельзя. А этот артефактор запас имел, вот и выдал замену. Всего пятнадцать амулетов. Я потом еще три сверху заработал, но это обучая его. Он за каждый «дрался», а так как он артефактор, то держал при себе не ширпотреб, а серьезные амулеты и артефакты. Там градация по качеству и мощности от пяти до единицы. Пятый уровень – это ширпотреб, первый – это круть. Ниже третьего у того ничего не было. Мне выдал два амулета первого уровня, два второго, остальные это третий. Значит, вот что он мне передал, приписал к моей ауре и научил использовать.

Первое, амулет «Глаза». Это медальон на цепочке, амулет первого уровня, замена коптера и его магический аналог. Правда, дальность двадцать километров, но можно использовать до разрядки накопителя, а его на месяц постоянной работы хватает. Зато точность высокая, и темнота не помеха. Да и непогода тоже в принципе. То есть я как бы взлетаю сознанием в небо, высота пять километров, могу на двадцать километров вокруг летать, мое тело с амулетом – это ориентир, и как в бинокль изучаю землю внизу. Классный амулет,

покруче коптера. Хотя дальность меньше, это да. Следующий амулет первого уровня – это амулет зарядки накопителей. Довольно серьезный амулет, ниже уровня не бывает. Я же не маг, заряжать накопители не могу. На один накопитель три дня зарядки хватает. Как-то так. Потом было два амулета защиты. Второй уровень. Остальное все третьего. Одиннадцать амулетов. Это был сканер, дальность сто метров. Картинку на сетчатку левого глаза подает. Мины теперь видит... Магу не понравился подрыв, свой амулет сканера модернизировал на поиск, а теперь мой. Потом амулет охраны, что-то вроде сканера, но тот подает сигнал, если кто пересечет зону контроля. Она на двести метров вокруг лагеря. Потом амулет-акваланг, как я его назвал. С ним я смогу опускаться на глубину четыреста метров, это предельно, и на три часа, пока накопитель не разрядится. Следующие амулеты – это два разных климат-контроля, один индивидуальный, для тела. Еще с ним можно нырять на глубину, там холодная вода. Другой для помещения. В минус тридцать снаружи, в палатке с ним комфортно спать. Обогревает помещение объемом в двадцать пять квадратных метров примерно.

Следующие амулеты – это фляжка, конденсирует воду, где-то полтонны в сутки. Для питья и готовки хватает, потому и фляжка, а не фляга. Также походная плита для готовки, медная пластина, что раскаляется, и можно готовить. Когда нет дров или чего другого под рукой, та вполне годится в дело. Ну и амулет дальнего и ночного видения, два в одном.

Затем амулет из комплекта строителя. Из него появляется луч лазера метром длиной. Все режет, я проверил. Понятно – лекарский амулет, универсальный. Еще амулет-диагност. Вот те одиннадцать амулетов третьего уровня, о которых я говорил, однако плюс еще три амулета заработал этого уровня, пока учил мага играть на ноуте в игрушки. Тот на них серьезно подсел. Это были два амулета: защита и землеройка. Третий – не амулет, боевой артефакт, воздушными лезвиями стреляет. Человека легко перерубит, а впечатление, что саблей или шашкой ударили. Что по поводу защиты и землеройки, то запас защиты иметь стоит, пусть это и пожиже второго уровня. Землеройка из комплекта строителя землю размягчает на глубину метра, камни крушит, в песок превращает. Пригодится. Для чего боевой, думаю, объяснять не надо.

Две недели качалась аура. На пятнадцатый день маг сообщил, что аура на одном месте топчется уже сутки, а значит, ее размеры доведены до предела, так что он закрепил результат и установил мне хранилище. Час всего заняло. А что, все готово. За эти две недели я учился пользоваться амулетами. В лесном озере на дно опускался. Все испробовал. Это тоже не простое дело, но освоил. Маг тоже не сидел, освоил «шторьх», знания по управлению взял из моей памяти, взлетал с поляны и там же садился, потом машину-амфибию, мотовелосипед, все освоил. А вот топливо особо не брал, что было – потратил на тренировки. Сказал, что сделать топливо магией не сложно. Однако больше всего он залипал на но-

уте, в игрушки резался. Стрелялки его не сильно привлекли, а вот бродилки в стиле меча и магии, там он стал фанатом. Рубился с утра до вечера. Я его научил качественно играть, за что три дополнительных амулета и получил.

Маг спал в моей палатке, в моем спальнике, он ему очень понравился, все бывшее мое, но я рад обмену. Самое главное, объем хранилища это просто песня, нисколько не жалею, что все отдал, включая запасы еды. Даже готовой. Тот, кстати, высоко оценил мою готовку. Так вот, тридцать девять тонн. Повторяю, тридцать девять тонн и двести шесть килограммов – это теперь размер хранилища, если по весу груза судить. Да я на двадцать тонн думал, а тут... Маг задерживаться не стал, ушел, а я убедился, что он исчез, и вот лежу на сухой листве, прихожу в себя. Хранилище проверил просто, убрал кусок почвы с корнями деревьев. Восемь тонн где-то вышло, вытащил и убрал в хранилище ППШ, мне маг одолжил на время. Вес его знал, вот отталкиваясь от веса, и высчитал размеры.

Сам маг не путешественник по мирам, как два первых. Просто амулет древних магов изучал, и тот его закинул к нам, сильно напугав. К счастью, он успел разобраться с амулетом, за месяц, как раз до нашей встречи, но задержался из-за меня и ушел обратно, прибрав все, что плохо и хорошо лежит. Я имею в виду содержимое моего хранилища. Покидать лес он боялся, я тоже нагнал жути, мне конкуренты не нужны, вот и цеплялся он за мои вещи, понимая, что при

себе держу самое-самое. Вот так я и остался один, на мне слегка потрепанная красноармейская форма без знаков различия на голое тело, ремня и обуви нет, и пустое хранилище. Помимо амулетов, что я сразу туда убрал, при мне только сканеры и защита. Это все. Я питался тем, что добывал сам, потому пару раз поохотился, добыл кабана. Да он, собственно, сам на нас вышел.

Спал я на листе, ладонь под щеку. Шинели нет, маг не выдал. Амулет климат-контроля вполне спасал, тот, что индивидуальный. Не замерзал я ночами. Сейчас где-то конец августа, примерно двадцатое, где я нахожусь, даже примерно не знаю. Похоже, Украина, хотя «Глаз» гонял в разные стороны до предела дальности, но тут обширные леса с мелкими хуторами и деревнями. Больших городов не видел. Точнее один видел на горизонте, но поди пойми, что за город. Ладно, маг ушел, вот и мне пора. Поэтому встал, отряхнулся и побежал к опушке. Стемнеет, покину лес. Тот, похоже, блокирован – мины и пулеметные точки. Увидим.

А пока шел, осторожно ступая, чтобы не повредить босые ноги, уже было дело, как-то поранился – неприятно. Размышлял, не о будущем, о другом. Жаль, по амулетам не все смог добыть. Есть такие, что отводят глаза, но такой у мага всего один, и делиться тот не собирался. Потом амулет, что выбивает из сознания, индивидуально. Или можно бить по площадям. Дальность не больше ста пятидесяти метров. У мага и такой амулет тоже был, в одном экземпляре. Амулет

куплен им, не его уровень создания, потому и берег. А так, добравшись до опушки, я лег спать на голодный желудок, так как все запасы подъял, рассчитываю на трофеи, и вскоре уснул. Планы простые – набить закрома и вернуться к своим. Армия наступает, моя помощь нужна.

Когда я проснулся от позывов мочевого пузыря, уже стояла ночь. Отлил, собрался (да и собирать нечего), убрал амулет зарядки, там накопитель очередной заряжался, да климат-контроль снял и покинул лес. Амулет-сканер проверял землю, то, что подсвечивал, обходил. Мин не было. Хм, под густой травой обнаружил пистолет ТТ. Явно с сорок первого лежит. Подбирать не стал, хотя почва не сильно его попортила. После чистки можно наверняка использовать.

Я долго шел по полю, высокая трава резала ноги, но терпимо. Два километра прошел, пока не вышел на укатанную дорогу на опушке другого участка леса. «Глаз» я давно гонял вокруг и от нашего с магом лагеря в семи километрах приглядел эту опушку и дорогу. Никаких постов или засек не заметил. Я вообще сомневаюсь, что тот нарвался на немцев или полицаев. Маг во всем черном был, издали могли принять за офицера СС, хотя полевая форма у них серая, могли и партизаны ему встретиться. Вот так по дороге и побежал я в сторону того города, что приметил сверху. Без сапог бежать было сложно, у меня подошва нежная, разбить легко. То, что в лесу две недели без обуви прожил, особо сильно не сказало. Поэтому с передышками, но все же двигался быстро.

Да пару раз амулет лекарский использовал, поскольку повредил подошву один раз и пальцы отбил о земляной камень. Вот так поле закончилось, и я уже двигался по лесной дороге. К слову, то поле позади раньше возделывали, а сейчас оно заброшено, заросло сорной травой. Видимо, некому тут работать. На этой дороге две деревеньки будет на пути, и только за ними сам город. Для экономии времени прошел прямо по единственным улицам деревенек, собаки особо не брехали, да и мало их осталось. Амулет ночного видения при мне, вообще красота, да и ночью дальнего использовать можно было. Только пусто вокруг, тихо все. Ни немцев, ни партизан. Хм, а это не партизанский край? Ну немцы лесов боялись, это да, а наших-то почему нет? Я, конечно, видел пару раз явно группы партизан, куда-то шли по своим делам, это когда я «Глазом» учился пользоваться, их засек, а сейчас-то чего? Об этом и размышлял в пути.

Голод серьезно подточил силы, вообще-то я охотой и собирательством жил, и маг меня не собирался кормить, поэтому я дичь добывал, грибы собирал, рыбу ловил. Выжил, вот и тут выживу. Сами деревни меня не интересовали, бедно люди жили. Может, полицейай какой-нибудь тут живет, но искать, время тратить? Нет, точно не стоит. За ночь я смог километров пятнадцать пройти, «Глаз» поднял и осмотрелся, не так и далеко сам город уже был, дольно крупный. И не показалось мне, там точно была железнодорожная станция, видел, как эшелон покидал город, уходил на запад. Одно я

понял: до рассвета до окраин точно не дойду. Придется где-нибудь залечь, благо все так же шел по лесной дороге. Иногда встречались артефакты войны, сгоревшие остовы грузовиков, раздавленные орудия, скинутые на обочину, это явно с сорок первого, хотя наверняка вывезли больше, но ничего особо интересного вокруг. Одно ясно, это наша бывшая территория, не Польша, раз столько следов прошедшей войны. Все-таки надо было заглянуть в какой-либо деревенский дом, еды попросить, но что уж теперь, не возвращаться же? Главное, «Глаз» показал два костра, но там партизаны ночным лагерем стоят. Мне к ним выходить не стоит. Свяжутся с нашими и отправят на Большую землю, а мне рано, хранилище пустое. Немцев нет, точно партизанский край. Думаю, та мина, на которой подорвался маг, с сорок первого в земле, не повезло ему, а пулеметчики, что позже по нему работали, все же партизаны.

Как я и думал, светать начало, когда до города километров семь осталось. На мне три активных амулета, это защита, ночного и дальнего видения, и «Глаз», уже научился я использовать их одновременно. Ну кроме защиты, та пассивная. В общем, я засек движение рядом с собой, думал местные, а это лось. А вот и пища, благо теперь есть где хранить и чем разделявать. Пока по дороге шел, немало потерянного на обочинах видел. Например, штык-нож немецкий, без ножен. Я отмыл его в попавшейся речке. Мост каменный через нее раньше был, его взорвали, теперь деревянный настил

сверху. Также почистил нож, заточил о камень на берегу. Можно использовать. Немцы вообще эти штыки не затачивают. В общем, я кинулся наперерез зверю, и воздушное лезвие срубило лосю голову. Дальше разделка, закончил через час после рассвета. Часть мяса пожарил. Да прямо на пластине походной плиты, – утвари и посуды нет, – жадно поел еще горячее, сочащееся соком. Стейками жарил, с двух сторон, а остальную тушу разделал. Срубил, что не нужно воздушным лезвием и снял шкуру, убрав тушу в хранилище. Говядина есть говядина, хоть и лосятина. Пожарил с запасом, соли не хватает, это да, но и так с голодухи хорошо идет. Потом отошел подальше, на полкилометра, нагреб руками листвы и уснул на ней как на лежанке. Амулет охраны настроил, не хватало еще, чтобы на меня кто-то днем наткнулся и застал врасплох.

На сытый желудок неплохо поспал. Как проснулся, снова мяса поел и пошел к городу по лесу, рядом с дорогой. Дошел до опушки, дальше два километра открытого пространства и окраины города. Судя по высоким трубам, там какие-то производства. Вот так сел и, подняв «Глаз», водил над городом, с интересом изучая. Найдя афиши, изучил. Пусть на немецком, но я хорошо его знал.

– Житомир, что ли? Хм, получается так.

В Житомире я был всего однажды. Точнее даже проездом, когда нас везли в Киев в школу младших лейтенантов. Была ночь, мы спали, не удивительно, что город мне незна-

ком. Разобравшись, где нахожусь, прикинул, дожидаясь темноты. Будем добывать то, что мне нужно, главное обувь и транспорт. Надоело босиком ходить и пешком. Да и запасов еды необходимо побольше. Я уже прикинул, что мне надо, заполню хранилище, а там и до наших доберусь. Думаю, повторю свой прошлый подвиг, угнав у немцев легкий связной самолет. Меня за прошлый «шторьх» летуны долго благодарили. Пригодился их эскадрилье. А вот додумать не успел, нарастающая боль в голове стала неожиданностью, я успел достать амулет диагноста, чтобы попытаться понять, что со мной происходит, но почти сразу вырубился. Как будто граната внутри головы взорвалась. Когда очнулся, еще светло было, часа два пролежал без сознания, но знаете, все быстро встало на свои места. Я нашел амулетом диагноста, что вывалился из моей руки, когда сознание потерял, несколько очагов в голове, сосуды полопались, и убрал проблему лекарским амулетом. Сразу легче стало, сейчас же, переосмысливая последние шестнадцать дней, я разобрался, в чем дело, и только огорченно покачал головой. Так вот оно, значит, в чем дело. Ведь чувствовал, что что-то не так, но, видимо, была дана команда не обращать на чуйку внимания, вот и не фиксировал внимание на ней. Пережевывая хорошо прожаренный стейк, который резал воздушным лезвием, я размышлял. Думаю, стоит этому моменту уделить внимание, да и время есть, до наступления темноты еще часа три.

Значит, вот к каким выводам я пришел. Меня кинули. Так

думал тот молодой маг, что это сделал. Маг-артефактор... да он сопляк двадцати лет. Я вообще сомневаюсь, что тот полноценный маг, а не чей-то ученик или студент. В общем, с момента, как я открыл глаза, после того как покинул самолет и впервые увидел мага, я был как бы в зазеркалье, что сильно приглушило эмоции. Я довольно эмоциональный человек, и меня должно было насторожить это, но не насторожило. Думаю, пока я без сознания был, еще контузия эта, парнишка подлечил меня и, пользуясь тем, что я беззащитен, поработал каким-то амулетом. Думаю, ментальным, что установки в мозгу делает. Это предположение, сам я его в руках у парня не видел. А то, что амулет, это точно. Сейчас я вижу, что тот маг-слабосилок. Да у него постоянно два амулета зарядки накопителей работало. Мой тоже, я же тренировался и, между прочим, не всеми амулетами пользоваться могу, зарядить накопители нужно. Вот и сейчас сижу, прислонившись спиной к стволу березы, и рядом амулет зарядки работает. Хотя ладно, не важно. В общем, я чувствовал себя как в зазеркалье, да, очень близкое понятие. Мне около часа потребовалось, чтобы все обдумать и разобраться в ситуации. Этот молодой маг до смерти боялся нашего мира, первое впечатление, видимо, закрепилось навсегда. В общем, этот магеныш явно решил меня кинуть на содержимое моего хранилища, и, судя по его поведению, наш обмен был явно неравнозначен, и он считал, что все в его пользу. Ой дурачок. Я бы и в два раза больше отдал за увеличение хра-

нилища. В чем тот еще меня напарил? Привязка амулетов. А не было ее. Аура в стадии раскачки, что-то сомневаюсь я, что к ней что-то привяжется. Так что амулетами может пользоваться любой. Кто умеет это делать. Да и вряд ли тот сам их сделал. Добавлю, что у магеныша, по-другому его назвать сложно, не так и много было амулетов с ручным управлением для простецов. Скорее всего, я получил все, что у него было. Остальное с управлением для магов, я бы с ними ничего сделать не смог.

Такое долгое эмоциональное сдерживание сказалось. Я вскочил на ноги, побегал вокруг, топча ногами листву, высоко вскидывая колени и радостно крича. Ничуть не опасаясь, что меня могут услышать. Выпускал из себя все то, что копилось эти шестнадцать дней. Хм, и голова стала ясной, мысли не так тягуче текли. Эту бурную радость я мог бы показать, как маг ушел в портал, но на мне тогда запреты были. Кстати, магеныш явно знал, что закладки скоро слетят, вон как торопился. Ощущения у меня, как у змеи, скинувшей кожу, после линьки. Ох и хорошо. Словно обновился. Вот теперь стоит уже нормально посидеть и подумать. Так что снова сел, прислонившись к стволу березы, и прикинул все. Я себя лохом не чувствовал. Более того, скорее даже больше получил, да в разы, чем потерял. Хотя, конечно, кое-что из своего, что маг унес, я бы забрал. На ноуте были сборники музыки и фильмов, главное музыки, как она мне здорово помогала в этой серой жизни, пока воюю. Теперь тяжело без

нее будет. Патефон добыть? Подумаю. Документы, награды, придется все восстанавливать, это возможно, поэтому сильно не расстроился. А магеньш куркуль, я не заострял внимания, как будто так и должно быть, но питался я подножным кормом, а тот тем, что я ранее приготовил. Мои бывшие запасы. Не особо красиво это смотрелось, но тот вел себя как будто так и надо. Норма жизни. Ладно хоть с хранилищем не налажал, все, как и договорились. Надеюсь, не наврал и ауру достаточно накачал, чтобы хватало энергии держать хранилище, иначе аура мои жизненные силы пить будет. Это мне еще тот, первый маг рассказал. Хотя магеньш ловко работал, я это отметил. Судя по его действиям, я у него не первый и даже не сотый из обманутых. Все до автомата отработано, ни одного лишнего движения или суеты, это было видно. Это и успокаивало. Да и его уверенный вид перед нашим прощанием доказывал, что тот все сделал, как надо. В общем, вердикт такой: я доволен тем, чем все закончилось. Я здоров, хранилище увеличено. Я в плюсе. Не сильно радуется, как магеньш себя повел, чувствую себя лохом, но это можно пережить. Если встретимся, что вряд ли, в рожу дам, но не более.

Планы не меняются, набираю добра на все случаи жизни, разного, и к своим, там восстанавливаю документы и награды и воюю дальше. Насколько задержусь у немцев, не знаю, но постараюсь быстрее справиться. Нужен транспорт и обувь. Я же говорю, планы не меняются. Хм, стоит отметить, что магеньш испытывал амулеты защиты. Причем на

мне. Стрелял в меня из «парабеллума», научил его, а я сообщал, на сколько понизился уровень заряда после каждого попадания. Тоже на этом не заострял внимания ранее. Шесть выстрелов и заряд на нуле, седьмой пробьет. Это с амулетом второго уровня, с третьим – три выстрела и четвертый пробьет. Да и этому рад, раньше ничего подобного не было. Причем все амулеты сделаны качественно, тот заострил на этом внимание, сообщив, что проработают десятилетия. Поясню. То есть не хранить десять лет и дальше в песок рассыплется, а если постоянно использовать, полные сутки без отдыха, так день за днем и десятки лет. Так что для меня эти амулеты... да надолго они, если умру, а потом новая жизнь, то и там буду ими пользоваться. Наверное... Еще по накопителям. У меня только то, что в амулетах, хотя запас иметь стоит, я видел, у магеньша был. У меня только у четырех амулетов в накопителях мана до полного есть, остальные почти опустошены, едва по десять процентов, за время учебы амулет зарядки наполнять их просто не успевал. Время для этого нужно. Накопители обработать не сложно, все они имели вид шарика. На жемчужины похожи, но тут один момент: желательно, чтобы они были драгоценными камнями, тогда да, долго проработают. Так что еще их найти нужно, а потом ювелира, чтобы обработал, как надо. Я не умею.

Об этом и размышлял, пока не стемнело. Дальше собрался, забрав амулет зарядки, накопитель почти полон был, и побежал по дороге к городу. За час я добрался до окраин,

приметив по пути несколько усиленных постов. Был и блокпост на въезде. Немцы явно держат все с этой стороны под контролем, особенно ночью. Хорошо, что здесь поля возделаны, а не минные поля были. Сам я по дороге двигался, там мин сканер не показал. Все же магеныш сам лох, из нас двоих я в плюсе. Хотя думаю, он как раз считает наоборот.

Проникнув на территорию города через частный сектор, перебрался через огород, а там на улицу и дальше двинул по ней, сторожась. Пропустив ночной патруль из десятка солдат, что уверенно топал по одной из улиц, я так и добрался до железнодорожной станции. Меня интересовали ее склады. По пути перехватил полиция, тот с карабином Мосина на плече шел куда-то полусонный, волоча ноги. При этом я бросал вокруг настороженные взгляды. Думал, ловушка, на живца берут, но, когда я его допросил, узнал, что несколько полицейских пропали в городе за последний месяц, и тела двоих потом по запаху нашли. Тот себе такой судьбы не желал. Хотя это ему и не помогло. Зато я хоть какую-то информацию получил. Это действительно Житомир. На окраине есть военный аэродром, запасным он был, но сейчас там дальняя авиация базируется. Заглянем. Также дал расклад сил по городу, и что тут вообще происходит. Сведений не так и много, но я и этому рад. Об одном жалел, у него сапоги сорок пятого размера, а мне сорок второй нужен. А вот ремень с подсумками застегнул на себе. Я бечевку починил, но все равно иногда шаровары нужно было придерживать,

спадали. Карабин проверил и убрал в хранилище. Сорокового года выпуска тот, вполне неплохо сохранился, из него не так и много стреляли. К нему двадцать патронов, россыпью, обойм не было.

Больше трофеев не было. Карманы пусты, только махорка да пустой коробок спичек. Документы взял, а форма полиция меня не интересовала, тем более и она не на мой размер. Хотя сапоги предателя я прихватил. Не сильно ношены, можно будет продать. Они нашего пошива, с зауженными голенищами. Тело оставил у забора, руки не пачкал, удар амулета с воздушными лезвиями – и порубленное тело оплывало кровью. Я же заторопился к складам. В городе на удивление много полицейских подразделений было, видимо, некоторые являлись карателями. Пока до складов добрался, еще уничтожил восемь полицейских. В отличие от первого полицейского, что шел с суточной смены отдыхать, он местным был, эта группа шла строем. Тут отработал воздушными лезвиями, потеряв десять процентов маны в накопителе на это, зато все лежат обезглавленные. Бил точно, чтобы не повредить ничего и трофеи не потерять. Прибрал винтовку Мосина, самую свежую и не расстрелянную, еще был ППШ, причем новый, этого года выпуска, к нему два запасных диска. Два пистолета, ТТ и «парабеллум», с кобурами. Остальное не заинтересовало. Только боеприпас собрал к вышеперечисленному. Да наконец-то сапоги подобрал, тут аж у двоих были нужного размера. Одни чуть стоптанные, другие новые, яловые. У водо-

проводной колонки помыл ноги, подлечил от мелких травм, намотал еще теплые портянки и натянул сапоги, те, что поношенные, новые пока поберегу. Только после этого наконец добрался до складов. Добежал. Уф, как хорошо в сапогах, не нужно смотреть, куда ступаешь. Правда, и минус был, я отвык от обуви, и в первое время те мне серьезный дискомфорт причиняли. Ничего, снова привыкну. А пока добывание нужного мне, а потом на вражеский аэродром. Надеюсь, найду там то, что мне нужно.

* * *

Мотор «шторьха» ровно гудел, я поглядывал вокруг, благо амулет ночного и дальнего видения отлично помогал, ночь темная. Девочка лет пяти, что сидела у меня на коленях, особо не мешала. Меня ждали, в штабе моей армии подтвердили прием, сообщив, куда лететь. Армия двигалась с боями, и местоположение ее давно сменилось.

А вообще с момента, как я расстался с магенышем, уже десять дней прошло, второе сентября было. Одиннадцатый день пошел, уже полтора часа как. Тогда, добравшись до Житомира, я действительно неплохо прибаракхлился. На складах добыл три тонны риса в мешках, у немцев это довольно редкая крупа, тонну гороха и тонну пшеничной крупы, потом вскрыл склад с питанием для офицеров, дорогие вина, сыры, шоколад, масла, колбасы. Были чай и какао. Ника-

кого эрзаца. И тут на семь тонн набрал. Амулет-сканер отлично помогал, прежде чем убрать кусок стены в хранилище, давая себе доступ внутрь очередного пакгауза, я сначала смотрел амулетом, что есть внутри. Самое интересное я прибирал. Поэтому еще тонну мешков свежей пшеничной муки. Два мешка соли и два сахара. Две фляги с подсолнечным маслом и две с медом. Ну и склад с консервами. Брал мясные, с ветчиной, фаршем, саморазогревающиеся, и сладкое. Пятнадцать тонн припасов, но это не все. Тут уже начали сбор урожая, и я нашел местное овощехранилище, довольно крупное. Забрал четыре тонны картошки, только вчера с полей, двести кило капусты, двести репчатого лука, сто моркови, сто чеснока, двести огурцов и двести помидоров. Они в ящиках были. Свежий урожай, не из парников ли? В общем, двадцать тонн припасов ровно, как и рассчитывал. На другом складе, вещевого имущества, нашел котлы. Большие, маленьких не было, пять штук по сто пятьдесят литров каждый. Чугунные. Я поскорее прихватил их и покинул склады. Нужно сделать запас готовых продуктов, и они отлично помогут. Правда и весят почти тонну, но меня это не остановило. Я их взял временно, потом избавлюсь. Может, один котел оставлю, остальные точно скину. А поторопился покинуть город, потому что по нему тревога звучала. Нашли убитых полицаев, да и тут на территории станции я двоих немцев убил. Одного ссыкуна из зенитчиков, до туалета ему лень дойти, к углу склада бежал, где я укрылся, и часового,

с которого снял новенький карабин Маузера с боезапасом. Да, документы я собирал, с полицаев и вот немцев, для отчетности. А перед тем как покинуть склады, увел полтонны тротиловых шашек с бикфордовыми шнурами и добрался до аэродрома.

На аэродроме тревоги не было, но посты усилили. Из города им сообщили о нападениях. Тем более тут вполне себе шла боевая работа. Часть самолетов на вылете, еще одну группу готовили. Пользуясь темнотой, тут соблюдали светомаскировку, прежде чем заминировать склад ГСМ, и склад боеприпасов, я посетил землянки лётного состава, стараясь не разбудить тех жильцов, что были. Увел новенький патефон и солидную стопку пластинок с разной музыкой. Обувь подобрал, ботинки хорошие, два летных комбинезона моего размера. На складе две тонны летных пайков и шесть комплектов офицерского нательного белья. Заглянул в столовую, набрал утвари и посуды, доски разделочные, половники, ножи и все необходимое. Потом к складам, шнуры уже горели, увел пять тонн авиационного бензина в бочках и одну бочку моторного масла, и даже три самолета. Два «шторьха» и один связной «мессер». Самих «шторьхов» было три, но один в ремонте. Из двух один вполне свежий, второй латаный-перелатаный, видно, что пулевые отверстия заделывали, но мотор новый. Первый себе оставлю, а на втором к нашим полечу. Да и тут эксплуатировать буду. Что по «мессеру», то дальность у него выше, хотя на такой машине летать

не доводилось, но я справлюсь. Убив охрану у землянки, где радист сидел, там еще три офицера было, все же работа шла, я проник внутрь и, настроив рацию на волну радиостанции штаба моей армии, стал вызывать:

– Тюльпан-два. Ответь Урагану-три, прием.

Знаю, что за время моего отсутствия все позывные давно сменились, а новых я не знал. Да и не смущало это меня. К счастью, дежурный радист не спал, подтвердил прием, знакомый голос, знаю его, и тот принял от меня сообщение. Да оно короткое было. Сообщил, что бежал из плена, излечился от контузии, а как добуду самолет, то и перелечу к ним. Потом свяжусь, узнаю координаты, куда прибыть. Ну и еще, что я человек практичный и пустым не летаю, кого-то да вывезу с оккупированных территорий, пусть особисты имеют в виду. Проверка прибывших на них. Ну и личная просьба начальнику штаба армии: от моего имени подать запрос на восстановление документов, комсомольского билета, наградных книжиц и заказать изготовление копий моих наград. Свои я потерял, даже не знаю, где они. Как бомбой накрыло, больше не видел. Это нужно для сокращения срока получения копий всего утерянного.

Радист подтвердил принятое сообщение, и мы разъединились. Я уже собрал все ценное, что тут было, и на мотоцикле прорвался с территории аэродрома. Едва успел, как ночь превратилась в день, оба склада рванули с разницей в двадцать секунд, немцам резко стало не до меня. А что я, из

техники только новенький легкий БМВ-одиночка, отъехал на нем, там взлетел с полевой дороги, на «шторьхе», и полетел в тыл к немцам. Меня Варшава интересовала как место с наиболее большой концентрацией ювелиров. Километров на двести улетел, на бреющем, когда светать начало. Там сел на берегу речки, около леска, спать особо не хотелось, отмыл котлы в речушке и стоговил в двух котлах блюда. Это щи, использовал кости и мясо лося, и рис отварил, сдобрив фаршем из консервов. Поел и спать. А дальше, как стемнело, уже на «мессере» взлетел, нужно изучить, что за машина, она была куда скоростнее, но я освоился.

Так и добрался до Варшавы за один полет, без дозаправок, сел недалеко, удалось со второй попытки сделать благополучно. Ювелиров нашел быстро, я у немцев банк ограбил, тут же в Варшаве марок набрал, да и золотых монет хватало, было чем платить. Купил хороший костюм, пальто и шляпу, теперь свободно гулял по городу. Зимнюю одежду, на меху, приобрел. По туристским и рыболовным магазинам прошелся. Даже два спальника нашел, зимний и летний. С трудом, но смог найти и купить отличную медвежью шкуру. Редкий и дорогой товар. Только за золото найти смогли. Я восполнял то, что было мной утеряно при встрече с магеньшем. Две палатки теперь есть. Еще двух женщин нанял, выдал припасы, и они готовили разные блюда. Но главное выпечку. Пирогов немало напекли, я приходил вечерами и забирал. Также угнал новенький «Опель-Кадет», двухдвер-

ный, бордового цвета. Потом у пристаней парусную шлюпку – она полтонны весила. Ну и роскошный «хорьх». Если остальное для себя брал, эту машину как раз на продажу. Сам за городом в лесу проживал эти семь дней, пока три ювелира работали по моим заказам. Камни они сами находили. Изумруды, рубины и, конечно же, брильянты, и шлифовали их до круглого состояния. Всего два десятка камней сделали, но уже кое-что. Я заряжал свои накопители, по три дня на каждый. Проверил и новый камешек. Нормально, заряжается. И вот полетел обратно, хранилище на сто процентов полным было, сел у Ровно, поискал попутчиков, тут повезло найти группу беглых евреев, и забрал шестерых детей от пяти до семи лет, со следами желтых звезд, вышитыми на одежде, это все что смог, и на том латаном «шторьхе» полетел к нашим. Координаты я уже получил, самолет был артиллерийской разведки, рация имелась, я знал, куда лететь. Вот и добрались, так что мне подсветили полосу, и я пошел на посадку.

* * *

Услышав шаги конвоира, я снова хмыкнул и быстро убрал карты, подмигнув другим сидельцам. Мы приняли невинный вид, как будто тут ничего не происходит.

О да, я снова на Лубянке, уже третий день как привезли. Не думайте, это не последствия моего возвращения из плена.

Это вообще два месяца назад было, сейчас уже ноябрь, шестое с утра. Что вообще происходило? После возвращения я писал рапорты, проходил опросы и допросы особистов. А потом началась служба. Михайлов ударил по столу кулаком, и меня вернули к работе, так что снова ночами летал на самолете. Это не мешало использовать «Глаз» и наносить новые данные на карты, а штаб армии по ним работал, особенно артиллеристы преуспели. В такой боевой работе я хорошо освоил и высоко оценил «Глаз». Все же он на порядок лучше коптера был. Так что армия двигалась вперед, даже рвалась вперед полууступом, но встали, чтобы другие армии нагнали, а то отрежут от своих еще фланговыми ударами, как немцы это любят делать. Документы мне восстановили, наградные книжицы тоже, в октябре получил, как и копии наград. Тогда начштаба пошел мне навстречу, все запросы уже были отправлены. И да, я не ошибся, предполагая, что все мои вещи на том самолете были, что немцы перехватили и к себе увели, так что действительно сгнуло все. А так как армия стояла, то генерал Михайлов переуступил меня временно своему старому знакомому, которого направили командовать фронтом, что прорывал оборону в сторону Ленинграда. Очень генерал просил меня, тот обо мне слышал. И вот за месяц боев Калининский фронт пробил все же коридор, и ленинградцы были деблокированы. Там коридор усиливали, расширяли, я всего четыре дня помогал. Наши артиллерией и авиацией побили резервы, что немцы перекидывали, но

меня взяла под ручки контрразведка и самолетом в Москву. Третий день допросы шли, следователи знать хотели, откуда я получаю разведданные. Всегда отвечал, что вижу ночью хорошо, поэтому, летая над немцами, наносил на карту все, что видел. По мне так неплохая идея, но как-то не особо поверили.

Еще интересовались, как из плена бежал. Да, нестыковки были, уже знали, что у немцев на аэродроме несколько самолетов пропало, и я прилетел на машине именно оттуда. Интересовались, где пропал больше недели. Говорю, были дела. Вообще, как я описал свой побег? Очнулся у немцев, с контузией. Когда перевозили в Берлин, потерял сознание от тряски, очнулся в обломках самолета, от шума, кто-то забирался. Оказалось, «юнкерс» упал на лес. Судя по многочисленным пулевым отверстиям в бортах и в телах немцев, была схватка, гильз на полу хватало. Что там происходило, не знаю, я без сознания был. Сам я без травм обошелся по той причине, что связали меня так, что я как в коконе был, это и спасло. Не только от падения, но и от пуль, несколько попало, синяки от них уже сошли. А вытащил меня из самолета дед один, знахарем оказался, отшельник, в лесу живет, лечил от контузии, примочки делал, даже шрамы свел и родинки. А как вылечился, попрощался с дедом, добрался до Житомира, ну и дальше уже знали. Что я делал после нападения на аэродром (к слову, меня так и не наградили за подрывы складов), объяснил тем, что готовился вернуться к нашим,

искал, кого с собой взять. Вот и все. Хотя за эти два месяца я продвинулся вперед, у меня уже погоны капитана, а этим меня соблазнили помочь другу Михайлова. Причем даже успел за это награду получить, прежде чем меня задержали. Пустого. Все отправил в хранилище.

Стоит добавить, что пока воевал в составе своей армии, до командировки на Калининский фронт, а его как раз в Первый Прибалтийский переформируют... Так вот, пока со своими участвовал в наступлении, восстанавливал утраченное, то пообщался с главным снабженцем армии. Он у нас уже полгода, и я его знал. А осенью сорок первого я ему толкнул «кюбельваген» с запасом бензина, а тот мне припасы. Вот и в этот раз вышел на него, было что предложить, и мне кое-что нужно, что у немцев и в Варшаве добыть не смог. Армия наступала и трофеев хватало, поэтому они упали в цене среди снабженцев. Но такие генеральские машины все же редкость. Вообще меня охраняли как особо ценную персону, Михайлов отдал приказ, а потом в битве за Ленинград и комфронта подтвердил такой приказ. Да меня взять должны были сразу, как коридор пробили, а тут четыре дня все согласовывали. Моей охране плевать, что они из Москвы и с серьезными бумагами. Пока комфронта не дал добро, к моему телу этих желающих его прибрать к рукам не подпускали. С помощью «Глаза» и подслушивать мог, магов вокруг нет, плетения не видят, я даже в окна заглядывал и в форточки подслушивал, что немцев, что наших. Так вот, за «хорьх», с

бочкой бензина к нему, я получил пять ящиков с американской тушенкой, очень неплохая, и четыре ящика со сгущенкой. Плюс ящик с консервированными бобами в томатном соусе. Десять ящиков всего. Поверьте, по ценам среди снабженцев я даже получил чуть больше, чем это стоило. Снабженцу срочно кого-то требовалось задобрить, вот и взял с доплатой. Потом все пять котлов отдал, те самые по сто пятьдесят литров. Они тоже в цене. Кухонь не хватало, так что с руками оторвали. За котлы получил овечий офицерский полушубок, хоть и есть амулет климат-контроля, но штука нужная.

Хочу отметить, что я в Варшаве неплохой гардероб себе набрал. Был костюм, потом два комплекта домашней одежды, нательное белье, обувь, пляжная одежда, включая плавки, зимняя, утепленный плащ с меховым воротником, меховая шапка. Однако валенки или чего такого, вроде тулупа, найти не смог. Вот сейчас его взял, шапку-ушанку, белую, валенки из светлой шерсти, с прошитой подошвой, зимнее утепленное байковое белье, комплект зимней утепленной формы, тут ватные штаны, телогрейка. Ну и палатку, зимнюю, утепленную войлоком, те две, что в Варшаве добыл, летние, с одной в комплекте шел материал для тента. Я две военные зимы пережил и знаю, как важна хорошая одежда. С учетом охраны с трудом все повернуть по обмену удалось. Дальше шла служба, особо и описывать нечего, днем спал, ночью облетывал передовую, если погода позволяла,

редко залетая на территорию немцев. Это было летчику запрещено. Да, немцы знали, кто летает, и прожектора подтаскивали, и зенитки, но с помощью «Глаза» я их видел, и мы облетали стороной, нанося на карту засаду. Однако попадали под огонь с земли, и самолет обзавелся новыми пробоинами.

Что еще? Ну пока в Польше бывал в магазинах, там приобрел разные настольные игры, в музыкальном магазине пластинок купил разных, специально глянул, у меня таких нет. Потом купил новенький велосипед и, найдя ушлого посредника, выдал аванс ему на покупку мотовелосипеда. Тот заказал его срочную экспресс-доставку из Франции, прямо с завода-производителя, и перед самым отлетом я выкупил аппарат, как раз поездом доставили. Новый, я даже обкатать не успел, а сейчас и времени не было с постоянными боями. А так слушал патефон, жил в лесу и готовил. В принципе, все. Да, еще за это время все накопители зарядил, включая новые. Я купил два мешочка из бархатной ткани и держал их там. Одно ясно, надо бы еще запасов накопителей сделать, но видимо, это до окончания войны ждать нужно. До того, когда мотовелосипед забрать, и после подготовки к отлету, я посетил молочную ферму. Увел молока тонну, сливок две фляги, сметаны три, масла сливочного шестьсот килограммов. Давно присмотрел эту ферму и вот навестил ночью. Теперь точно все, улетал, когда хранилище доверху заполнено было. За время полета место появилось, из-за потраченного топлива. Но не так и много. А так трое суток допросов, без

физического давления, я их спокойно пережил, и вот играли мы в мою колоду карт. Я как раз выигрывал, отчего был довольным, а тут конвоир. Мы их шаги по звуку определяли. Этот наш. Камера не сказать, что переполнена, но она небольшая, однако двадцать человек вмещала. Разный контингент, но было и шестеро офицеров, мы вместе держались. Остальное разный сброд, даже инженеры или рабочие. Что-то у них там с браком на заводе было. Чуть не диверсию им шьют.

Среди офицеров никого выше капитана, майоры и кто выше, в другой камере, для старшего комсостава.

Вот замок в двери щелкнул, она открылась, перед этим конвоир глянул в глазок, убедившись, что проблем нет.

– Одинцов, с вещами на выход, – сказал тот.

– Вы мне их сначала верните, – проворчал я.

Однако, подхватив свою шинель, погон не было, сняли, это такое моральное давление, типа вы для нас никто, и, кинув на сгиб руки, направился к двери. Кроме шинели у меня ничего не было. С парнями попрощался, те пожелали удачи. Дальше повели наверх. Там забрали боты без шнуровки, вернув мои валенки, теплую зимнюю форму, включая овечий полушубок. Это не мой личный, выдали на Калининском фронте. Летали мы на разведку в любую погоду, вот чтобы не обморозился, и выдали. А под руки меня взяли, когда после такого разведывательного вылета вернулся. Я только и успел передать планшетку с новыми разведанными ожидавшему

посыльному. За последнее время я по этому делу асом стал. Кстати, самое забавное, что нам поручили пробить коридор другому фронту, Ленинградскому, а наш Калининский должен был помогать, по факту же мы и пробили. К следователю так и не вызвали, всем занимался дежурный, выдали бумагу, что проверка проведена, и все. Кстати, оружие тоже вернули, я, когда свой ТТ проверял, вынув и вставив магазин, кладовщик сильно напрягся, но я убрал оружие в кобур и дальше проверял вещи. Претензий не имею к местным, больше даже благодарен за отдых, а то меня в последнее время гоняли только так, на сон оставалось мало времени, пользовались хорошей погодой. Знал комфронта, что меня скоро заберут, вот и использовал на все сто. Правда, задержать не пытался, тут он слово, данное Михайлову, держал. Хотя оценил качество и скорость передачи развединформации в режиме реального времени. Когда награждал орденом, сказал, что у него никогда не было лучшей работы разведки, чем сейчас. Впрочем, ладно, я покинул это страшное для многих здание и, придержививая лямки вещмешка, что закинул на правое плечо, направился прочь.

Со справкой проверки мне выдали документ, предписывающий прибыть в отдел кадров управления РККА. Ну, время не указано, так что можно задержаться. Темно уже. Сейчас шесть вечера, я вернул часы на руку, сверился, переночую и на рынок с утра. Хочу сала соленого купить, у меня крайне мало в запасе. Да и копченого сала хочется. Зима

подходит, в это время сало очень высоко ценится, калорий много. Я для себя беру, хотя и угостить не жмочусь. В общем, нужно закупки сделать. Еще хочу посетить баню, но поди найди ее. Потом отдел кадров, нужно получить дорожные, чтобы вернуться в расположение своей армии, и поеду к своим. Мне повезло остановить пролетку. Узнал, где можно комнату на ночь снять, и есть ванная с горячей водой. Пока хозяйка стирала все, в чем я был в камере, да чистила верхнюю одежду, тот же полушубок, я дважды принял ванну. Полежал в горячей воде. Потом, когда сох в комнате, подготовил другую форму, офицерскую, вместо полушубка шинель, шапку-ушанку и остальное. Награды на френче закрепил. Валенки в хранилище отправлю, в сапогах буду. Тут температура не настолько низка, как севернее было. Морозец есть, лужи замерзли, но и только. Снег еще не выпадал.

Выспался я просто отлично, хозяйка подняла в семь утра, как я и просил. Эти три ночи, что в камере провел, прошли в полусне. Там душно, да и вообще попахивало. Много чем. В общем, нормально так и не выспался. Позже, может, привыкну и буду спать, как и все, крепким сном, но не получилось, а тут никто не мешал, не толкался, не в тесноте. Небольшая удобная кровать, вот и выспался, чистый, на не менее чистых простынях. Почему же не отдохнуть? Вообще на новом месте я тяжело привыкаю, обычно первая ночь на адаптацию, но следующая уже нормально. Хотя если вымотаюсь, срубает, где упаду.

Уплатил я и за питание, так что позавтракал кашей и чаем с морковной заваркой, в городе было довольно голодно. Хотя люди с деньгами добыть припасы могли легко. Забрав вещи, что хозяйка вчера постирала и почистила, щедро расплатившись, она двух малолетних внуков поднимала и сироту, что взяла на содержание, и прибрал все лишнее в хранилище, я собрался, ремни хорошо шинель увязали, талия у меня тонкая, и двинул на двор. Возница уже подъехал, я договорился. Он и отвез на рынок. Гуляя по рядам, я закупался всем необходимым. Причем на прилавках было мало, да воришек много, подбегут, схватят и бежать. Понятно, есть хотят, бродяжек много, поэтому спрашивать нужно, что надо, то и доставали из-под прилавка. От многих кусков сала я отказался. Желтое и пахнет, старое. Я не настолько оголодал, чтобы такую некондицию брать, а было и свежее, белоснежное, с красными прожилками мяса. Мягкое. И копченого набрал. Шесть раз набивал вещмешок до полного, дважды обошел рынок. Пару раз меня пытались ограбить, чужие руки ощущал в карманах. Просто трепал воришек за ухо и отпускал. Особо не злобствовал, с пониманием к этому относился. Еще по мелочи закупился, у меня место есть почти для полутора сотен килограммов в хранилище, заполнил и, покинув рынок, направился к пролетке. Возница ожидал меня. Тут меня патруль остановил. Комендачи.

– Товарищ капитан, попрошу ваши документы, – козырнул старший патруля, в звании лейтенанта.

Молча закинув вещмешок за спину, расстегнул шинель и достал стопку документов, плюс справки, которые лейтенант внимательно изучил, придрататься было не к чему, и, козырнув, отпустил. Я же, убирая документы обратно в карман френча, задумчиво смотрел патрулю вслед. Ну вот где-то видел одного из бойцов, а где, не припомню. Потом как осенило. Мценск.

– Стойте! – окликнул я патруль и быстрым шагом подошел. – Боец, твоя фамилия Арбузов?

– Так точно, товарищ капитан, – с удивлением посмотрев на меня, сказал тот.

– Старший сержант Арбузов, Савелий кто тебе?

– Брат старший. Погиб он.

– Я знаю. Мой он боец. Я командовал охраной моста у Мценска, он был моим замом. Погиб на мосту, когда рукопашная стояла с диверсантами.

– Вы тот младший лейтенант Одинцов? – встрепенулся тот. – Мы получили ваше письмо, потом похоронка на брата пришла. Отец с дедом этим летом ездили на место гибели брата. Перезахоронили там павших, на кладбище, в братской могиле. Жаль, тогда тело брата не нашли, мощный взрыв был.

– За это спасибо, порадовали. Я там четырнадцать бойцов потерял, но роту диверсантов мы уничтожили и все три моста взорвали, железнодорожный, там я командовал, и два автомобильных. На одном Савелий и погиб. Я его к званию

Героя представил. Что дали?

– Красную Звезду, посмертно.

– Так и думал, что зарубят. Ладно, боец, помни, твой брат герой, это он крикнул бойцу в окопе, чтобы взрывал. Там три бойца выжили из полутора десятков.

Лейтенант и второй боец нас слушали, но не перебивали, тут мы козырнули друг другу и разошлись. Да уж, разбередила эта встреча старые душевные раны. А ведь два письма семьям погибших я так и не отправил, и они ушли в хранилище магеныша. Надо будет переписать и отправить, вроде территорию, где жила одна из семей, уже освободили. Нет, а как похож парень на своего старшего брата, фактически одно лицо. На момент начала войны старшему из братьев Арбузовых было тридцать, того призвали, и после подготовки он вошел в охрану моста, а младшему сейчас двадцать два.

Вот так на пролетке я и покатыл в сторону главного управления РККА, там и отдел кадров был. Это я его так называю, у военных немного по-другому. Там дежурный направил меня в нужный кабинет, где некий подполковник долго орал на меня. Из его слов я понял, что тот вчера до полуночи ждал меня. Приказ был дожидаться, а я, скотина такая, не пришел. Что-либо говорить подполу смысла нет, тот уже завел себя и ничего слышать не желает. Я же недоумевал. А с какого перепуга я сайгаком к нему нестись должен был? Между прочим, мне ничего такого не говорили. Пусть спасибо скажет, что сегодня пришел, мог и на завтра перенести. Я тут с див-

чиной симпатичной познакомился, и хотелось продолжения. А то со службой и личной охраной никакой личной жизни. Туда не ходи, сюда не ходи. Только в Варшаве немного отдохнул, посещал одну панночку. Поляков я терпеть не мог, но это не касалось их женщин. О, из воплей подполковника выяснилось, что меня ночью ждал самолет для срочного вылета к месту службы. Но не дождался и уже улетел, рейсовым был. Я на это пожал плечами с пофигистическим видом, что мужика еще больше завело, ор стоял на пол-этажа. Кто-то пытался зайти, но тот рявкнул, и неизвестный скрылся, хлопнув дверью.

Сам я с задумчивым видом поглядывал на подполковника, подумывал, как бы его из живого состояния перевести в неживое. У меня вообще-то гордость есть и чувство собственного достоинства. И вот так орать на себя я не позволяю никому. И плевать на то, какие у того погоны. Глубоко наплевать. А сейчас я размышлял: сразу его хлопнуть, приставив ствол трофейного пистолета к голове и нажав на спуск, под видом самоубийства на фоне крайнего эмоционального состояния. Или подкараулить ночью? В первом случае могут на меня подумать, во втором вряд ли. Кивнув своим мыслям, я смотрел на подполковника уже как на пустое место. Его нет, он труп. Тот, видимо, взгляд уловил, запнулся, закашлявшись, и передал мне бумаги:

– Тут проездные, направление и остальное, включая продаттестат.

– Товарищ подполковник, тут какая-то ошибка. Я прохожу службу в Шестой армии Третьего Украинского фронта, а тут Второй Украинский.

– Теперь служить будешь на этом фронте.

– Да? А что я с этого буду иметь?

– Пошел вон! – Он снова взорвался, я же спокойно убрал документы в карман френча и покинул кабинет. По-моему, в дверь прилетела чернильница. Какие-то тут нервные офицеры. Кстати, в приказе у меня стоит прибыть на военный аэродром, и там меня попутным бортом подкинут к штабу Второго Украинского. А подполковника этого истеричного убивать я не стану, потому что уже отомстил, и куда неприятнее. Теперь до конца жизни он будет страдать произвольным мочеиспусканием. Я поработал незаметно амулетом-диагностом, потом лекарским амулетом, по сути убрав клапан, что сдерживает. Так что приятной ему жизни. По мне так вполне адекватный ответ. А так, понятно, что ни на какой аэродром я не поехал, а покатил на пролетке в глубь города. Вернусь в нашу Шестую общевойсковую армию, к Михайлову, тот прикроет. Что вообще происходит, я понял. Командарм не раз говорил, что в последнее время его просят на время переуступить меня. Даже приказы приходили о моем переводе, но тот смог их скинуть или отменить. Вот кто-то на халаву и решил меня к рукам прибрать. Обломится. Но провести приятный вечер с девушкой я не смог. Та динамщицей оказалась, поела за мой счет в ресторане и свинтила. Я на-

деялся, что медовая ловушка, интерес ко мне был, я слезку засек, но не сложилось. Как стемнело, тот же возничий на пролетке отвез меня за город. Тут тоже преследование было, «полуторка» и две пролетки, «Глаз» показал мне их. А ушел легко, отпустил возничего, щедро расплатившись, с преми-ей, и вошел в темный ночной лес, а там побежал. Тут дивизии не хватит меня найти. Из леса, с берега лесного озера, там место подходящее, взлетел на «шторьхе» и на бреющем полетел к штабу моей армии. Где тот стоял, я в курсе. Перед тем как встать, мы сорок километров до Умани не дошли.

Не стоит думать, что так на этом легком самолете и летел. Нет, он мне нужен был, чтобы покинуть лес и отлететь по-дальше от ПВО столицы. Вот на пятьдесят километров и уда-лился. Сел на дорогу, подморозило, та хорошо укатанная, не особо и сильно трясло, сменил на «мессер» и полетел уже на нем. Тот и скоростнее, и комфортнее. С одной дозаправкой успел добраться до Днепра, но там грозовой фронт, дождь, – пришлось облетать, однако все же был на месте. Сел кило-метрах в тридцати от штаба. Обслужил обе машины, запра-вил, как раз рассвело, и я, выйдя на дорогу, проголосовал. Как раз патруль подъехал, и они лично обо мне не знали, хо-тя командир слышал. Довезли до штаба. Там особисты опоз-нали, так что развязали руки, вернув вещи. Я как раз по-завтракал с кухни, когда к Михайлову вызвали, тот тут был. Документы я уже начальнику штаба армии сдал, описав свою ситуацию. А тот и передал Михайлову. А вот тут неожидан-

ность, он подтвердил приказ из управления кадров РККА. Морщился, но сообщил, что на него надавили из Генштаба, так что развел руками. Он тут даже со своими связями ничего сделать не мог. Так что мне выдали самолет, и, взлетев, мы отправились на север, Второй Украинский фронт действовал ближе к Киеву. Хотя брать его будет, похоже, Первый. Ладно, за два часа долетели, тут не так и далеко. Даже вполне благополучно, немцы не перехватили, да и погода не мешала, хотя боковой ветер был, но главное не встречный. Сели на полевой аэродром связной эскадрильи штаба фронта, там проверили документы, и сопровождающий, на «полупорке» довез до зданий штаба в небольшом городке. Летчик, что меня доставил, также привез какие-то документы, это переписка между штабами, и ждал ответа, чтобы привезти его обратно. Меня же быстро оформили, я в принципе не опоздал, и начальник разведки фронта, генерал-майор, спросил, как я буду действовать, что для этого нужно. Мой вопрос был вполне конкретен:

– Что я буду с этого иметь?

– Не понял? – тот явно удивился.

– Война перешла тот переломный момент, когда уже знаешь, что наша берет. До конца войны год-полтора, не больше, вот я и собираюсь активно наращивать свое благосостояние. Имею в виду чины и награды, другое меня не интересует. Что вы можете мне предложить?

Генерал оказался из неадекватов и поднял ор. Не понял,

что в моем вопросе ему не понравилось? Все чины и награды любят. Оказалось, тот был возмущен моим цинизмом, тут родине помочь нужно, а я собственник и куркуль, требую за это что-то себе. Не понял, он что, с себя звезды будет снимать, чтобы мне передать? Снял, стал полковником, а я майором. Или награды со своего френча снимать? В общем, мне этот генерал не понравился. Ему не устраивал недержание, повторяться нельзя. В этот раз другое. Банально нарушил ему нерв правой руки, тот правша, и рука через день-два окончательно обвиснет, и он не сможет ею пользоваться. Это на остаток жизни ему. Будут тут еще на меня орать. Тот схватился за руку, почуял что-то, но, побледнев, явно решил, что у него инсульт, прохрипев:

– Сердце.

Не спеша подойдя к двери, я толкнул ее и сказал помощнику генерала:

– Там вашему начальнику плохо. Инсульт, похоже.

Тот мигом забежал в кабинет, пока писарь вызывал медиков. Я же в приемной занял свободный стул и, надвинув шапку на глаза, решил подремать, а то сутки уже на ногах. Во время полета сюда не спал, следил за небом, чтобы нас не застали врасплох, вот и пользовался свободной минутой. Генерала вынесли на носилках, я это еще успел рассмотреть, и уснул. Разбудили меня через полчаса, стрелки часов подтвердили это. Полковник, неизвестный мне, велел пройти в кабинет, где занял место генерала.

– Полковник Селиверстов, помощник, замначальника штаба по разведке. Что произошло в кабинете?

– Генерал начал орать, потом схватился за грудь и сказал, что у него сердце. Я сообщил офицерам в приемной, они вызвали медиков.

– Почему товарищ генерал повысил голос?

– Не понравился мой вопрос.

– Капитан, из тебя слова вытягивать нужно? Доложите все, что было.

– Генерал решил, что я мать Тереза. Бесплатно работаю. На мой вопрос, что я буду иметь за разведанные и свою работу разведчика, тот начал орать. Остальное – последствия.

– Да-а, – протянул полковник, постукивая карандашом по столешнице. – Ты, я смотрю, тот еще кадр.

– Не понимаю вашего командира. Да и вас тоже. Вон, на Калининский фронт в командировку отправили, комфронта обещал, если пробьем коридор к Ленинграду, звание даст и награду. Обещание выполнил, капитана я получил и «Боевик», а у вас прям какие-то истерики по этому поводу. Как будто я у вас последнее отбираю, изо рта вынимаю. В разведке правило: сманивать офицеров в разведку обещанием чинов и наград. У вас не так?

– Так-то так. Генералу твой тон не понравился, наглый, с ленцой.

– Я сутки не сплю. Моя армия это Шестая общевойсковая, и я не подавал рапорт о переводе к вам. Генерал-полковник

Михайлов, мой командир, ему я помогаю по долгу, он мне много хорошего сделал. А вас я знать не знаю. Зачем мне напрягаться за просто так?

– А помочь Родине, освободить территории от захватчиков?

– Я столько помогал, и мне по рукам надавали, что все желание просто так помогать убили. Трибунал был, меня лишили наград и звания. Тоже тогда в сорок втором капитаном был, две Звезды Героя, с другими наградами. Не будет самоотдачи, идите на... Я надеюсь, понятно все сказал, разжевывать не надо? И пугать меня не стоит, я пережил шесть штурмов Сталинграда, после штрафбата снайпером в первых рядах шел. Там выжил и тут выживу.

– Трибуналом тебя не напугать, – задумчиво изучая меня, сказал полковник.

– Не-а, – ухмыльнулся я.

– Да, генерал был прав, с тобой сложно будет. Свободен пока, дежурный устроит, где будешь проживать. Пока решу вопрос с тобой.

Молча козырнув, я покинул кабинет и, прихватив вещмешок, что ожидал меня у стула, покинул с помощником дежурного здание штаба. Он занимал четыре здания, чтобы все службы вместить. В офицерском общежитии, где четыре койки, на одной меня и устроили.

– Задержанный Одинцов, на выход, – велел конвоир. – Руки за спину.

В этот раз задержание меня, да и прошедший уже трибунал, было вполне себе настоящее. И я даже особо не возражал против приговора, десять лет лагерей. Сейчас же посадили в машину и в лагерь, чтобы дальше отправить по этапу. Знаете, пока тут в камере сидел, я понял, почему себя так нагло и вызывающе веду. Хотя я считал, что отстаиваю свою честь и свободу. Это амулеты. Да, владение ими подняло мое самомнение и уверенность в себе. Вот и дошло до этого. Впрочем, я не был расстроен или огорчен и, если бы все повторилось, повел бы себя так же. Там ситуация так сложилась, и прогибаться под кого-либо я не хотел ни тогда, ни сейчас. Что по случившемуся, то тот полковник из разведотделения сообщил командованию, точь-в-точь передал нашу беседу, и член Военного Совета был разъярен, приказав заставить меня. Начальник Особого отдела не нашел ничего умнее, чем направить ко мне зама, подполковника, чтобы надавить. Тот за сутки, пока я отсыпался и обустроивался, нашел нужную информацию и, когда меня вызвали к особистам, при трех офицерах (сюда и член Военного Совета заглянул, любопытничал) начал меня шантажировать. Так и сказал, если не будет работы, мой сын пострадает. Больше

подполковник ничего сказать не успел, в моей руке появилась «вальтер», и грохнул выстрел. Тот зашатался, держась за грудь, из которой толчками текла кровь, и упал, невольно прислонившись к стене, а я, подойдя, хладнокровно выстрелил ему в голову, забрызгав содержимым черепной коробки стену, после чего, осмотрев шокированных свидетелей, поигрывая пистолетом, сказал:

– Никто не посмеет шантажировать меня сыном, с каждым будет так же, как с этим ублюдком.

Сопrotивления я не оказал, положил пистолет на стол и отошел. Разоружили меня бойцы комендантской роты, дальше после ареста трибунал. Уже на следующий день – приговор. Звания и наград снова лишили. Погоны сорвали, а наград не нашли, как и документы на них. Ну, я уже научен опытом. Ха, снова, как только стал капитаном, и трибунал – подозрительная тенденция. Удивило, что не вышку дали, я-то уже готовился на рывок уйти. Впрочем, и сидеть десять лет не собирался. Однако тут был сделан финт ушами. Меня вот вывели из камеры и в машину, дальше полевой лагерь, тут были офицеры, попавшие под трибунал. Почти сотня набиралась. Многие, как и я, лагеря получили. Смертные приговоры, если кому и были, уже приведены в исполнение, так что тут те, у кого сроки. В общем, одиннадцатого ноября вечером нас выстроили, и военюрист, при свете двух фонарей на столбах, зачитал постановление Генштаба тем, кто получили срок в десять лет и меньше, принудительно заменить

лагеря штрафбатом. Не я один зло сплюнул. Не порадовали. Хм, что-то больно вовремя этот приказ, подозрительно, я даже до Воркутлага не доехал. Направление у меня туда было. Решил, что свалю по пути, все равно Горький не миновать, будем проезжать, сойду без разрешения, так сказать, сына на руки и сваливаю. Пока не знаю куда, вокруг сражения и войны, но я английский хорошо знаю, определюсь.

– Вот скоты, как под руку решение это, – сказал я соседу, бывшему майору, командиру гаубичного дивизиона, что потерял свой дивизион. Ошибка чужая, но его сделали крайним. Я пояснил: – Я собирался утечь, пока перевозят на Север.

– Странно это все, – проговорил тот. – Тебя, Герман, вообще шлепнуть должны были за убийство особиста. Десять лет – это ниже минимума, что ты должен получить.

– Вот и я думаю, что это все неспроста.

– Сам где думал устроиться?

– Не знаю, Казахстан, может, в Китай уйду. Подальше от войны...

Строй обсуждал то, что сказал военюрист... Нам дали на это время, но тут охрана пробежалась, и мы замолчали, вот и известили нас, что нашу группу направляют на пополнение одного из штрафбатов Второго Украинского фронта. Он как раз недавно из боя, понесли большие потери.

– Повоюем, – вздохнул сосед.

– Не знаю. Может, и утеку, не решил еще.

– Бросишь своих? – как-то с неприязнью удивился сосед.

– Понятие «свои» у меня потерялось после первого трибунала. Так что да, легко брошу, если ты это имеешь в виду.

Я на самом деле был в сильном сомнении. Амулеты защиты, конечно, есть, но очередь пулеметную или из ПП тот долго не держит, как и разрыв снаряда рядом или гранаты, держит что-то одно. Или менять амулет надо, благо еще два в запасе, пусть третий и слабее, или накопители. Хорошо, еще накопители есть, небольшой запас, однако все же заимел, что радует. Так что я действительно размышлял, колебался. И явно склонялся не в пользу штрафбата. Да пошли они все. Я еще и того полковника из разведотделения и члена Военного Совета найду и шлепну. Это все из-за них. Все, решено, как все успокоится, ухожу. Соседу говорить не стал, не вызывал тот у меня доверия, прилип именно ко мне. Наконец переключка закончилась, и нас, построив, повели, к воротам, а там за территорию лагеря. Конвойные по бокам, с оружием в руках, внимательно все отслеживали. Вели нас к железнодорожной станции, она тут недалеко. Подходящее место было, темное, если отбежать, там овраг, я было дернулся, но ноги заплелись, мне подставили подножку, да еще навалились сверху, и знакомый голос майора прошептал зло:

– Нет, сволочь. Заслужил штрафбат, вот и пройдешь его.

Конвойный остановился рядом и велел подниматься. Майор сказал, что споткнулся и случайно сбил меня с ног. Он же и хотел мне помочь подняться. Отбив его руку в сто-

рону, я сам встал, отряхиваясь, – снег выпал, да и мелкий начал идти. И двинул дальше, а майор, или кто он там, уже не уверен, не отставал. Как цербер, следовал за мной, отслеживая каждый шаг. Я споткнулся и навалился на него, быстро сделал шаг назад и скрылся в колонне остальных заключенных, а «майор» стоял и шатался. Нож в печень, это смертельно. Это сразу заметили и подбежали, нас остановили и, светя фонариками, начали обыскивать, поскольку то, что у «майора» ножевая рана, уже заметили. Да, а это еще и проверка была, показала, что все не так и просто. Обыск начали с меня. Это не звоночек, а колокольный набат. Впрочем, майор оказался еще жив и указал на того, кто его подрезал. Однако меня даже раздели до исподнего, но не нашли ни следов крови, ни ножа. Даже обочину и поле на дальность броска обыскали. Мы медленно замерзали, притаптываясь на месте, а они продолжали шмон. Наконец от станции прибежал офицер и погнал нас дальше. А меня выдернули и увели в сторону. Это было какое-то помещение в управлении станции. Посадили на табуретку, единственный источник света – керосиновая лампа на столе, и севший за стол полковник, не знаю его, вздохнул и спросил:

– Зачем ты убил капитана Кривошеина?

– Это кто?

– Тот майор-гаубичник.

– Подставной? Так я и думал. Глупый вопрос, даже отвечать не буду.

– Он не дал тебе на рывок уйти, за это отомстил? Почему не хочешь реабилитироваться в штрафбате?

– Подсчитал, что шансов выжить у меня немного. Не люблю рисковать. Сколько мне дадут еще за этого майора? Вы ведь собрались его ко мне пристегнуть?

– Это вышка. Ты понимаешь, что под расстрельной стальной ходишь?

– Тут как нельзя кстати поговорка: что ни делается, все к лучшему.

– М-да, склонен согласиться с врачом, что тебя осматривал. У тебя действительно психические отклонения.

– Психологические. А ответ прост: у меня отсутствует чувство страха. Это вы держитесь за стабильность в привычных рамках жизни и службы. Если что не так идет, паникуете и стараетесь вернуть все, как было. Даже через штрафбат согласитесь пройти, хотя там выживает мизер, лишь бы это все вернуть. Я не такой. Звание и награды уже терял, давно это переболел, уже не держусь за это. Убил советского офицера? Так за дело, он угрожал жизни моего сына, шантажировал меня. Я в своем праве был. Тут же майор был на пути к свободе, я убрал это препятствие. Я и через вас пройду. Вы мне не свои.

– А кто свои? Немцы?

– Вот уж нет. Я их тысячи полторы перебил. Мне свои это простые бойцы, что в окопах сидят и в атаку идут, а вы церберы, охрана, препятствие на пути к свободе. Долги государ-

ству я отдал, считаю, что ничего не должен. Пусть другие геройство проявляют, мне это уже не нужно. Дожить до конца войны и на гражданку, на свободу с чистой совестью.

– Ясно все с тобой. Знаешь, в некотором роде да, офицеры были неправы, не с той стороны пошли, но убивать, да еще демонстративно добывая в голову... Тут ты сильно переборщил. Дать в морду, тебя бы поняли, даже если старшего офицера ударил, а вот так...

– Это ведь вы устроили, с приказом отправить бывших офицеров в штрафбат? Больно вовремя он появился.

– Ты слишком преувеличиваешь мои возможности.

– А вы тут при чем? Я про ваших хозяев.

– Даже если так, я не в курсе. Вот что, Одинцов, есть предложение. Не от себя говорю, поэтому слушай внимательно. Есть предложение снять все это. Сделаешь, что тебе скажут, и вернут все, что потерял. Отметят, что искупил.

– Эх вас натужило. Сами же отобрали, и вернуть за работу? А ничего не треснет?

– Ты сам под трибунал подставился, – напомнил подполковник. – Мы протягиваем тебе руку помощи.

– Если бы я действительно держался за все это, может, и сработало бы. Послушай, подполковник, я уже выбрал страну, где буду жить, какой у меня будет дом. Черт, я даже придумал кличку для своей собаки. А тут променять это на непонятно что? Как-то желания нет. Вот если что сверху накинете...

– Что ты хочешь?

– Вернуть все, что было, и то, что по первому трибуналу, в сорок втором, полную реабилитацию, чтобы после окончания войны не прицепились, а то знаю я эти открытые дела по новым обстоятельствам. Звание майора. После окончания работы на вас.

– Видел я людей, что охренели в той или иной ситуации, но ты это что-то особенное.

– Это я вам нужен. Сами пытаетесь меня оседлать и ехать, неудивительно, что жеребец недоволен.

– Жди, – велел тот и вышел.

Почти час не было офицера. Меня охраняли двое солдат с ППШ, внимательно отслеживая все движения. Вернулся он, отослав солдат, и, снова устроившись напротив меня, сказал:

– Командование дало добро.

– Я могу ему верить? – чуть улыбнувшись, спросил я.

– Ты о чем?

– Я похож на идиота? Меня советские генералы постоянно обманывали, им не сдержать свое слово что сплунуть. Где гарантии?

– Доедем до штаба, там получишь свои гарантии. Идем, машина снаружи ждет.

Везли меня на «эмке», сзади грузовик с бойцами... Места беспокойные, постреливают, но проехали за два часа, добрались до того самого городка, где штаб фронта и где был проведен трибунал, что меня осудил. Ночь была, мне выделили

место, не забывая охранять, ведь я парень резвый, и это знали. А с утра к генералу армии Коневу, комфронта. Вот он и дал гарантии. Ох что-то я ему не верю. Однако устный договор заключен, я собираюсь выполнять его с полной отдачей. Посмотрим. Если Конев не сдержит слово, то у нас появится первый писающийся комфронта. А достало все, используют меня и думают, что ответки не будет. Все будет. А пока работаем. Правда, я как был штрафником, так им и оставался, поэтому под охраной постоянно. В этот раз меня даже не охраняли, а сторожили скорее. В самолете я прикован наручниками. Оружия нет. Вот так зимними вечерами, когда нет снега и погода позволяет, что не всегда бывает, один раз чуть не упали, обледенение на нашем «У-2» появилось, но информация пошла в штаб фронта. Подготовившись, фронт пошел вперед, а то немцы ранее остановили его и строили крепкую оборону, а теперь зная, чего ожидать, войска шли вперед.

Знаете, было время подумать, может магеныш какие-то установки дал, и они остались, но, прикинув за и против, я понял, что сам психанул. Нечего на других валить, где сам виноват. Есть такое, однако ни о чем не жалею. Тот шантаж меня просто в край взбесил, внутри красная волна жажды крови поднялась.

* * *

Поправив ремень карабина Мосина, я посмотрел, как движется рядом пехотная колонна советских войск, ее по обочинам обгоняют грузовики и легковые автомобили, часто встречались «виллисы». Я был в новенькой красноармейской форме, с чистыми погонами, вещмешок за спиной, пилотка на голове. Поперек груди скатка шинели, на ремне каска. В кармане новенькая солдатская книжица и листок с направлением на дальнейшую службу в девяносто девятую стрелковую дивизию. Я был полностью снаряжен, но это не отменяет того факта, что Конев меня все-таки кинул. Да, нашли причину, мол, не предупредил о фланговом ударе немцев, наши тогда серьезные потери понесли. А как предупрежу – второй день пурга, погода не летняя у нас была. Февраль месяц. А у немцев порядок, тихо. Вообще полгода тянули и не реабилитировали меня, то есть не сняли судимость, хотя фронт наступал так лихо, что вон в апреле сорок четвертого Львов взяли, а в мае к Бугу вышли. Я же штрафник, свободы нет, после вылета сразу в землянку под охрану, еду носят, а как новый вылет, выводят на аэродром, кандалы и вылет. Это знаете ли бесит, но терпел. А потом понял, что никто не будет меня реабилитировать. Я с охраной поговорил и велел куратора позвать, это еще в марте было, тот и передал слова Конева. За тот удар немцев, что свалили на меня, отмены

приговора не будет. Ну не будет, так не будет. Разведанные в ноль ушли. Разведка пешая и воздушная сама работала, а я все пустым возвращался, с пустыми картами.

Сначала куратор пытался уговорить, потом и Конев, но все впустую. А привыкли иметь свежие и точные данные, уже через губу разговаривали. Все, лавочка закрыта. Кинули меня, работать смысла на них нет. Меня в каталажку и в ближний тыл, убеждать. Два месяца убеждали, пока не плюнули, и вот махнули рукой. В общем, отметили как искупившего вину, все же неплохо фронт воевал, и не без моей помощи. Дали звание рядового, звезды капитана и награды не вернули, не сдержали обещания, и вот направление на службу в одну из дивизий Второго Украинского фронта.

А что, я на склады, у меня было разрешение получить с них все что нужно, там гарнизон городка снабжался, вот и получил все. Старшина, что там командовал, понятливый, договорились, и все выдал отличного качества. Вот только бледный я, два месяца солнца не видел, загореть бы. А вокруг тепло, двадцатое мая, птички поют, зелень яркая. Хорошо. Из новостей: Анна забрала нашего сына из Горького. Не выдержала все-таки. Кормилица ничего поделывать не могла, та винулась в письмах, Анна в документах ведь как мать вписана. Я уже по факту узнал. И где мне ее теперь искать. Да и буду ли? Забрала и хорошо. Сама не писала, или письма перехватили, что скорее всего. Честно говоря, к сыну я отнесился несколько прохладно. Да я его и видел-то несколько

дней, где тут узнать и полюбить? А то, что особиста за него застрелил, тут за сам факт запугивания и шантажа.

Всего пять часов назад я еще в камере в кости играл, а потом успели озвучить решение суда, побывал на складе, и вот, покинув город, искал попутную машину. Тут около четырехсот километров до позиций дивизии. Добраться надо. Хотя задумался, а стоит ли? Думаю, все же стоит тихо довоевать до конца, и свободен, это ли не радует? О, еще из новостей. Тот пробитый нами коридор к Ленинграду немцы схлопнули. Не знаю, где они резерв взяли, да и еще целую танковую дивизию, но смогли. Сейчас вроде снова коридор пробили. Ну и еще кое-что... В камеру ко мне многие разные попадали, опрашивал их. Те, не владея полностью информацией, слабо понимали, что за движуха идет, а я понимал. Меня искали, серьезно искали. Конев же, действовал в стиле «не моя, так не доставайся же ты никому». Я сам не сразу разобрался, но потом понял. И содержался я в этих бараках лагеря временного содержания под номером, а не своими данными. Да и в лагере не было никого, кто продержался бы два месяца, как это со мной было. Меня прятали, это было ясно. А сейчас видимо ситуация изменилась, выдали пинка, иди и служи. Все же своей работой я на три отмены приговора заработал. Еще одна подлянка, которая меня больше порадовала залогом спокойной службы и войны. Насчет этого как раз я не возражал. Мне документы выдали не на Германа Одинцова, а на Германа Одинцовского. Небольшое изменение, но оно

уже значительно усложняет мои поиски, если они не прекратились.

Чтобы добраться до дивизии, мне двое суток дали, вполне нормально, сухпай получил как раз на это время. На складах старшина выдал горячей воды, я побрился, с ним и пообедал, и задумался. До дивизии доберусь, да воздухом, самолеты есть, и топлива хватает, но первым делом нужно посетить штаб фронта, у меня там трое недругов, коих стоит «отблагодарить» за все хорошее. Конева, члена Военного Совета и того подполковника... Он, кстати, уже полковником стал, начальником разведки фронта. Два ордена получил. Еще бы, мои разведданные через его отдел шли.

Вот так осмотрев пешую колонну, что шла по этой оживленной трассе в сторону ближайшей железнодорожной станции, это километров сто, а может и сразу к передовой, а что им четыреста километров отмахать, несколько дней, это явно маршевая рота, я развернулся и стал уходить по тропинке к лесу. Тут уже пару месяцев как земли освобождены, люди возвращались, посевной занимались, тех, кто пережил оккупацию, силой заставляли пахать. Жизнь в детстве Юрия Гагарина, да и его семьи на этот период только доказывает это. Им прямо в лицо говорили, что они под немцами были, поэтому люди второго сорта, не будут давать объем продуктов, поедут на Север или на Колыму. Поэтому по пашне идти не стоит, поймают, уши надерут. А по тропке нормально. Сканером проверял на мины вокруг. Да, тут недалеко се-

мья погибшего у Мценска бойца проживала. Письма я давно написал, пока память свежа, отправил только сегодня. Тот старшина со склада обещал почтальону отдать, надеюсь, есть выжившие из родных обоих бойцов. Они должны знать, где их родные погибли и похоронены. Раньше не мог отправить, с тем тотальным контролем и охраной. Уничтожили бы те письма, факт.

Это не лес, роща, где было немало артефактов войны, даже тел непогребенных хватало, в основном немцев. наших похоже прибрали, я прошел небольшое минное поле, сняв три десятка немецких «лягух», пригодятся, и убедившись, что слезки нет. «Глаз» он всё видит. Я и стал готовить. Я немного потратил, своей еды не так и много ушло, среднего качества продукты выдавались, но сытные, а вот напитки быстро уходили, поэтому и вскипятил воды, заварил чая, потом какао размешал с молоком. Остатками. Надо будет пополнить у немцев. Как-нибудь выделю время. Также молочную ферму ограблю. Потом побродил по роще. Нашел большую редкость – среди штабелей боеприпасов шесть ящиков с патронами, для МП-44. Их калибр. Самого оружия у меня не было, но надежда добыть имелаась, поэтому прибрал. Ну и там по мелочи. Дальше кинул шкуру на траву, использовал шинель, сам разделся и уснул. У меня будильник был, громко звенит, поставил на десять вечера. Пяти часов мне хватит, чтобы выспаться.

Да уж, не нашел я Конева, двух других отыскал и нака-

зал, а комфронта не было. Точнее не так, новый командующий войсками принял фронт, два дня назад, а Конева в Москву отозвали. Теперь понятно, почему меня выпустили. Смысла держать дальше не было. Ничего, земля квадратная, как-нибудь встретимся за ближайшим углом. Я прикинул, как бы рвануть в Москву и поискать его, но по времени не успевал, дезертирство припишут, если вовремя в дивизию не прибуду. Так что потратил остаток ночи и добрался до нужного района, – где находится дивизия, я знал примерно, вот и добрался. Даже поспать успел, а с утра, позавтракав, покинул кусты и вышел к дороге, туда, где регулировщики у перекрестка. Они мои документы проверили и через час посадили на обоз, как раз до моей дивизии шел. С тыловым обеспечением. Я у возницы и вызнал, что дивизия на передовой окопы занимает. Недавно к старой границы вышли. Пока стоят, тылы подтягивают, пополняют людьми и вооружением.

Уже к часу дня мы прибыли в тылы дивизии, там отвели в штаб, где меня быстро оформили обычным рядовым бойцом в двести шестой стрелковый полк. В первый батальон первой роты. Пока оформляли, даже покормили с кухни, там осталась каша. Я так понял, меня за новобранца приняли. Да все новое, даже карабин в светлом лаке. Не захватан руками. Есть выписка суда, но смысл мне ее предъявлять? Солдатская книжица есть, а ее должны обычно выдавать в части, после поступления сюда, но мне раньше выдали, не все

так просто с этим, и есть направление в эту дивизию. Вот книжицу и направление отдал. Показывать, что я штрафник, точно не стоит. Вот так получив документы, комсомольского билета у меня больше не было, отозвали комсомольцы после второго трибунала, я отдал, плюнув на это, жил без них и дальше проживу. Это всего лишь статус. В полк офицер направился, он меня с собой и прихватил, там в штабе внесли в списки, а потом познакомили с ротным. Меня направили во второй взвод третьего отделения, там было всего пять бойцов, я стал шестым, командир – ефрейтор Галушко, из хохлов. Боевой, орден Красной Звезды имеет и две медали «За Отвагу». Они два дня как тут встали, успели нарыть окопов и вот землянку закончили. Меня как новичка просвещали, и это, кстати, нужно. Я участвовал в боях за Сталинград в передовых порядках, но там своя специфика с городскими боями. Я не окопник, небольшой опыт в Крыму тут не поможет. Да и сообщать что я снайпер, не собирался.

Мы стояли перед рекой Буг, песчаный берег, с той стороны низина и уже немцы. Тут передовая насыщалась войсками, готовилась десантная операция, собирались перебираться на ту сторону. Так что я впитывал бесценный опыт бойцов, многие были с наградами и с нашивками за ранения. У некоторых не по одной. Сообщать о своем опыте, и вообще кто я, не собирался. Оно мне надо? Планы – тихо и спокойно дожить до конца войны и уйти на покой. Никакого другого желания у меня не было, и надеюсь, получится. Хотя силь-

ные сомнения, что удастся. Амулеты, а они в порядке, даже накопители все заряжены, мне помогут выжить.

Пару раз нас накрывали гаубицами, но чаще работали батальонные минометы. Две недели мы спокойно жили на этом песчаном берегу. Даже поставили пограничные столбы. Потом дивизия стала переправляться, немцев не было, ушли, и наши высадились чуть дальше в двух местах, понтонные переправы навели. И войска продвигались, выравнивая линию обороны. Сам я тоже эти две недели без дела не сидел. Осваивал науку, многие ухватки бойцов, ну и тоже готовился к боям. Плавсредства мы тоже делали, у нас небольшой плотик был, поэтому, когда пришел приказ, на руках спустили его на воду. То там, то тут вставляли пенные фонтаны – немецкая артиллерия держала реку под огнем, видать корректировщики где-то. Вещи и оружие покидали на плот и сами стали переплывать речку. Кто не умел, держался за плот, толкая его. Я плыл уверенно, рядом загребал младший лейтенант Синицын, который только что из школы младших лейтенантов прибыл, наш взвод принял, это первое его назначение. А так взвод доведен до штата, у нас в отделении уже одиннадцать бойцов. Командир отделения тот же. И все так же ефрейтор.

Я помог одному бойцу, а то тот уже воды нахлебался, и вытащил его на берег. Вообще со стороны немцев тут низина, это наш берег высокий, множество островков, где у тех опорные пункты, оттуда минометами они били, но и наши тоже накрывали. В общем, плот не бросили и, двигаясь по

мелководью, толкали его по каналу. Только оружие в руках. Так и добрались до суши, тут уже разведка наша, они еще ночью переправились. Мы быстро оделись, и взводный повел нас дальше. Впереди разведчики и дозор шел. Саперы проверяли на минирование. А за ними переправлялась артиллерия, там саперный батальон споро строил переправу. Уже все готово для этого было, материал завезли, осталось мост собрать. Так и шли колонной. Только однажды нас обстреляли из чего-то скорострельного, не пулемет, думаю, самозарядка. Не наша, да и звук не знаком, впервые слышу. Мы тут же попадали кто где шел. Я скинул ремень карабина с плеча, «Глаз» постоянно в небе, и, прицелившись, дистанция триста метров до опушки леса, спросил у командира отделения:

– Товарищ ефрейтор, держу стрелка на прицеле. Разрешите уничтожить?

– Давай. Тут можно без спросу.

– Есть.

Грохнул выстрел, и из-за дерева вывалился стрелок, пацан лет шестнадцати. Это видели многие, привставали. Тишина была. Поэтому командиры поднимали бойцов и снова строили, а моему отделению ротный приказал проверить стрелка и нагонять их. Стрелковая колонна нашего полка пошла дальше.

– Мне это поле что-то не нравится. Саперы его проверяли? – спросил наш пулеметчик у Галушко.

Тот и сам задумчиво смотрел и, прищурившись, уточнил

у меня:

– Одинцовский, это у тебя у левой ноги не мина случайно выглядывает?

Я присел, изучая, и, встав, сделал пару шагов к дороге с обочины, кивнул тому.

– К черту этого стрелка. Наших нагоняем.

А впереди уже слышен был стрелковый бой, и довольно интенсивный, похоже, разведка и дозор уперлись в немецкую оборону. Всего километров на десять от Буга ушли. Я был доволен тем, что мы наконец сдвинулись. Да, не покинуть расположение взвода было, патрули вообще зверствовали. Даже ротный не мог уйти, если не имел письменного разрешения. Тут не отойдешь даже ночью, сплошь войска стояли. А я хотел слетать к Варшаве, ферму молочную посетить, закончилось у меня молоко, да и сметаны нужно пополнить запасы. Может, и ближе где что было, но я не знал, где тут другие фермы, а местоположение той, что у Варшавы, мне хорошо известно. Я уже прикинул, что успею за ночь мотнуться и вернуться. Поэтому наступление играло на руку. Думаю, как встанем на ночь, так и слетаю. А пока бой разгорался все сильнее, уже и пушки работали, поэтому колонна наша рассыпалась, звучали команды, и мы, расходясь выстраивались в атакующую цепь. Впереди несколько дымов от пожаров, не техника горит, у тех дымы гуще, что-то деревянное. Вот так и сближались быстрым шагом.

Я уже примерно знал, что тут происходит, немцы все ре-

зервы перекинули к плацдармам, и тут не так и много сил. На берегу реки особо оборону не строили, а вот тут она крепкая, с двумя рядами окопов, бетонными дотами. К счастью, командование дивизии оказалось адекватным и не стало с ходу кидать подразделения на хорошо подготовившегося противника, поэтому мы, сблизившись, стали копать окопы, выстраивая свою линию обороны перед противником. Пока наши не подтянут артиллерию, саперов, не подготовятся, атаковать явно не собираются. Поэтому я работал пехотной лопаткой, земля вполне ничего. Сначала укрытие для стрельбы лежа, потом полноценную стрелковую ячейку и уже расширяю вправо, к соседу. А слева сосед ко мне, так мы и копались до самого вечера. Окопы вырыли, а вот с землянками не успели закончить, но позиция по сути уже есть. Немцы активно нам мешали минометным огнем и пушечным, но и наши минометчики не менее активно отвечали, а чуть позже и наши пушки голос стали подавать. Значит, переправу навели и тяжелое вооружение перевезли. Это хорошо.

Как только стемнело, я незаметно покинул свою ячейку, вещи не оставлял, и убежал в тыл, километра на три, откуда с дороги поднялся на связном «мессере», он просто быстрее, и полетел к Варшаве. Понятно, шум мотора и взлет слышали, тылы дивизии всполошились, но я уже улетел. Сам полет и управление не мешали мне размышлять. Пока все отлично, в роте я прижился, некоторый авторитет заработал, как того стрелка снял, все видели, и еще двумя выстрелами заставил

замолчать пулеметчика в доте. Я сначала одного поразил в голову, потом его второго номера, что занял его место. После этого тот стих, другие немцы рисковать не стали. Также с окопом не филонил, земля тут вполне неплохая, но я еще дополнительно размягчал амулетом-землеройкой, облегчая себе работу. В общем, пока всем доволен. Также старался облегчить за эти две недели хранилище, перебирая содержимое. Однако свободного было всего полтонны. Этого мало. Задумался насчет мотоцикла и «опеля». Может, избавиться от них? Мотоцикл весит почти сто кило, легковой «опелькадет» – тонну. Это уже кое-что. В принципе, до конца войны они мне и не нужны, а там перед демобилизацией подберу что-нибудь. Машину жаль, новая, а это редкость. Хотя вместо «опеля» я бы ту амфибию предпочел, вроде той, что магеньшу ушла. Однако решение принял, и на месте взлета, на дороге, оставил и «опель», и мотоцикл, тот на подножке стоял. Пусть наши ими пользуются. Я даже отказался пристроить технику через какого-либо снабженца, это уже палево. Да и отберут, тут рядовые бойцы бессловесная скотина.

Наконец добрался до Варшавы. А тут не так и далеко, полтора часа летел на скорости двести пятьдесят километров в час. Посадку совершил на ночную дорогу и до фермы доехал на мотовелосипеде. Я его уже подготовил, обслужил, бак заправил, вполне шустро на нем катил. Впервые опробовал на ходу. Недалеко от фермы был дорожный пост и зенитная батарея, но они мне не помешали все провернуть.

В этот раз я забрал полтонны свежего молока, полтонны сметаны, ох и вкусная, полтонны сливочного масла, остальное, это около ста кило, сливками. Брал без тары, все само-сливом в хранилище, ну кроме масла. И вот так полетел обратно. В Варшаве тихо, восстания пока не было, да и рано. Надеюсь, наши тут так же поступят, встанут и будут терпеливо ждать, пока немцы не задавят полностью восстание. За дело так поступят, я лично «за». Вообще история идет с заметными изменениями по сравнению с моим первым миром. Наши сейчас на Украине и Белоруссии драться должны, а мы уже в Польше. Да, с Прибалтикой сильные затруднения, но наши от Минска хотят отрезать те войска противника, что у Ленинграда, но пока не получается, хотя коридор уже пробрили, причем огромный, после ремонта дороги поезда в город пошли. То есть войска, если брать историю мира моей первой жизни, опережают где на пару месяцев, где на полгода, и надо сказать, все это не без моего участия, есть чему втайне гордиться. Так что порядок.

Вернувшись, сверху приметил, что дорога пуста, нашли и забрали легковушку, и мотоцикл. Сам я отлетел подальше в тылы дивизии и сел. Правда пеший патруль побежал к месту посадки, но я, пользуясь темнотой, ушел и вернулся в свой окоп. Это произошло за два часа до наступления рассвета, даже успел уснуть, и разбудил меня носильщик, с термосами. Завтрак принес. Пшенная каша с куском трески, два кусочка хлеба и чай. Свой котелок дал и кружку. В окопах наших

сейчас все пищу принимали, ложки так о котелки и стучали, ничего так, вполне сытно, а тут как раз стала работать наша артиллерия. Хорошо накрывали, сам видел два попадания в дот, пусть тот и выдержал их. А потом нас подняли в атаку. Надо сказать, прорвались к окопам немцев немногие, бежали мы за огненным валом, я впервые это делал, повторял за другими. Два накопителя сменил в амулете-защиты, но спрыгнул в окоп и, застрелив из карабина немца-автоматчика, закинул карабин за спину и подхватил его оружие, сунув три магазина за голенища сапог. Дальше зачищал окопы с помощью МП, да и наши начали подползать и спрыгивать вниз, участвуя в зачистке. Закидав блиндаж гранатами, мы зачистили его и пошли дальше. В общем, первую линию обороны взяли, уже обустроивались, а вот на вторую сил не было, и немцы немалые потери понесли, немногие смогли отступить по переходам на вторую линию.

Обед уже прошел, его нам в термосах принесли из тыла, когда к окопу, где я обустроивался на стрелковой позиции, МГ-34 на бруствере устраивал, ленты поудобнее укладывал, вышел мой ротный с незнакомым капитаном.

– Одинцовский, поступаешь в распоряжение товарища капитана, – сообщил ротный.

Я окинул того взглядом. Отметил, что стал предметом такого же изучения. Тот сразу заметил новенький орден Красной Звезды у меня на гимнастерке. А что, комполка так и сказал, кто первый окопы возьмет, тот орден получит. Я

первым был, это многие из тех, кто следом за мной добрался, признали. Честно заработный орден. Ну почти честно, о магической защите забывать не стоит. Я незаметно прибрал амулет зарядки из ниши, там накопитель стоял, в ноль разряженный, прикрытый моим вещмешком. Сидор за спину, карабин на плечо, каску я не снимал, и поспешил за капитаном, что велел следовать за ним. А двинули мы в тыл. Я думал, к штабу дивизии топаем, но он остался в стороне, тут уже тылы дивизии и артиллерийские батареи. На опушке рощи стояли две машины и броневик, генеральский трофейный «мерседес», «ЗИС-5», что доставил два десятка бойцов, которые сосредоточились вокруг, ну и пушечный броневик, укрытый под деревьями. Кто в машине сидел, я уже опознал, «Глаз» помог. Это был член Военного Совета нашего фронта. Я ухмыльнулся и с такой вот ухмылкой, а имел право, и дошел до стоявшей техники. Чуть дальше наши интенданты работали, склад какой-то создавали. На нас они поглядывали, но не подходили. Бойцы охраны разоружили меня, карабин и обе ручные гранаты забрали, обыскали, достав нож из-за голенища сапога, и толкнули к машине, а капитан велел:

– На заднее сиденье садись.

Интенданты за этим настороженно поглядывали, но ничего не делали. Вот так открыв дверь, сел рядом с генерал-лейтенантом и сразу почуял тяжелый запах больного человека. Застарелой мочой пахло. Судя по утолщениям в районе паха и бедер, у того надето подобие подгузника. Член Военного

Совета с ненавистью глянул на меня и сказал:

– Я точно знаю, что это твоя работа, – сказал он, интонациями выделив слово «знаю». – Я прошу убрать это. Вот твои документы и решение полевого суда о полной реабилитации и восстановлении капитана Одинцова в рядах Красной Армии с возвращением звания и наград. Их в наличии не было, ты не сдавал.

– Красиво все сделали, – усмехнулся я. – Только я не Одинцов, вы ошиблись. Я Одинцовский. Ничем помочь не могу.

– С-скотина. Что ты хочешь?

– Неприятно поразила такая твоя догадливость, что это моя работа. Как тебе жизнь новая, ссыкун? По-моему, все честно. Вообще-то я вас троих, включая комфронта, просто шлепнуть хотел. Снайпер же. Три выстрела, и три моих врага отправятся в ад, но нет, это слишком примитивно, да и жажду мести не удовлетворяет. До Конева я еще не добрался, но поверь, он получит то же самое. Дело принципа.

– Точно ты. Мои люди собрали информацию. Тот подполковник в Москве, из управления, дружок Конева. У него та же болезнь, что возникла после встречи с тобой. Потом заместитель начальника штаба фронта по разведке и я. Все верно?

– А за полковника почему не просите?

– Да пошел он. Пусть сам договаривается. С тобой можно договориться, это многие говорят, кто тебя знает. Что ты

хочешь?

В этот раз я не проигнорировал вопрос и озвучил, что желаю от него получить. Вернуть оплату за мою работу. А за излечение генерала беру драгоценными камнями и обещанием забыть обо мне и не мстить, иначе уже я отомщу.

– Ладно, будет приказ на майора. Это оплата за работу на фронт, я понимаю, а за излечение меня цена не совсем радует. Другое приготовил. Вот тут в шкатулке пять золотых слитков по килограмму, это плата за излечение. Насчет забыть тебя, это клянусь, больше не увидимся, да и мстить не буду, это тоже клянусь. Звание майора получишь через неделю, приказ придет.

– Хм, ладно, договорились.

Прибрав офицерское удостоверение и выписку полевого суда с решением о реабилитации и с возвращением всего отобранного, также и слитки, незаметно убрав их в хранилище, я просто положил левую руку на живот генерала, а правой, где был лекарский амулет, за десять минут восстановил ему клапан. Пришлось подождать, когда генерал наконец расплывется в счастливой улыбке.

– Не течет.

Ничего отбирать назад тот не стал, клятвенно пообещал выполнить договоренности и велел своим людям везти к реке, где есть пляж. Он явно остро желал помыться, да и форму постирать. А я двинул к штабу дивизии. Оружие и вещи мне уже вернули, нужно поставить в известность командова-

ние дивизии о решении суда. Вообще фигово, конечно, что так все повернулось, все же я желал простым бойцом войну закончить. Однако раз уж так все повернулось, пусть будет. Жду полковника с дарами. Надо еще до Конева добраться. Пока же прикидывал, как мне оформиться в дивизии и куда меня назначат. Там вроде офицеров полный штат. Мне бы задержаться, чтобы звание майора не упустить, приказ придет по линии связи нашей дивизии. Не думаю, что генерал меня обманет. Ему хватило тех двух недель, чтобы осознать все, и повторения он явно не за хочет. Плюс насчет ордена, что мне сегодня вручили. Он-то на фамилию Одинцовского, как записано в орденской книжице, а не Одинцова. Пусть штабные думают. Оформлюсь, сменю погоны и остальные награды на гимнастерке размещу. Они честно мной заработаны.

Ага, вижу полуземлянки штаба. Пройдя проверку у охраны, я запросил встречи с начштаба дивизии. Час подождать пришлось, пока меня не пустили к нужному полковнику.

– Что у вас, рядовой? – прямо спросил тот.

– Я после штрафбата, товарищ полковник. Военно-полевой суд признал меня искупившим вину, вернув звание и награды, – сообщил я, протягивая ему листок с решением суда, свою книжицу рядового и офицерское удостоверение, что тот начал с изумлением изучать.

– Капитан? С какого года воюете?

– С второго дня войны. Первый бой в городе Влади-

мир-Волынский. Майского призыва я. Школа младших лейтенантов в Киеве, ну и остальное.

– Одинцов, а не тот ли дважды Герой?

– Это я. Это был первый трибунал. В сорок втором, как раз капитана получил. Тут второй трибунал.

– Не везет тебе, со званием капитана.

– Я тоже это заметил.

Дальше полковник забрал мои документы и ушел в дру- гую землянку, я так понял – к комдиву. Минут через два- дцать вернулся не один.

– Одинцов, кем служили? – прямо спросил генерал-майор Сараев.

– С осени сорок первого и до весны этого года практиче- ски все время в разведке. В основном штабные должности.

– Значит, о тебе я слышал как об асе разведки передовых позиций врага. Навыки не потерял?

– Да вроде нет.

– Назначаю помощником заместителя начштаба по раз- ведке. Наш как раз ранен, вот на его место и пойдешь. И да, почему Одинцовский?

– Не знаю, такие документы дали.

– Угу. Оформляйте.

Последнее он сказал начштаба перед уходом, и тот стал оформлять меня. А чуть позже познакомил с непосредствен- ным командиром, который в звании майора был, и с под- чиненными. Также приказал получить офицерское доволь-

ствие. Сдать карабин, получить личное оружие и остальное. Вот я и занялся делами. С орденской книжицей проблем не возникло, просто затерли последние буквы, чернила еще свежие были. Писарь явно с криминальными замашками был, ловко все сделал и вернул обновленную книжицу. В списках личного состава дивизии также поправили мои личные данные. Я же направился к интендантам, уже завтра приступаю к работе, поэтому остаток дня потрачу на обустройство.

У ротного старшины получил что нужно, он комендантскую роту и всех офицеров штаба дивизии обслуживал. То есть, если что, шли к нему. Форма у меня в порядке, даже в крови не испачкана, хотя в бою за первую линию окопов чего только не было, до рукопашной доходило. Вляпаться легко. Поэтому я просто сменил погоны, сдал рядового, надел полевые офицерские, сам закрепив звездочки. Готовых погон не было. Также разместил другие награды рядом с орденом, что сегодня получил. Надел гимнастерку, заметно тяжелее стала, сдал ремень с подсумками, карабин, патроны. Мне выдали офицерский ремень с кобурой, пистолет ТТ в консервационной смазке, пятьдесят патронов. Я оружие тут же почистил и зарядил. Уточнил по пистолетам-пулеметам в наличии и получил ППС, с подсумками запасных магазинов. К нему еще три сотни патронов. Шинель сдал, получил офицерскую, пришлось и тут погоны крепить. Ну и дальше. Пилотку оставил, хотя фуражку выдали, пока убрал ее в храни-

лице, а вот планшетку и все что положено по доволствию получил, благо все было в наличии. Старшина на двух грузовиках перевозил имущество, за которое отвечал. Меня уже устроили в землянке, та еще сырая, недавно вырыли, но нары были, обустроился, вещи разложил, и в штаб. Пока время есть, можно начать работать, заодно комдива перехватил, тот к машине шел, один из полков собрался посетить, я пообщался с ним. Сообщил, что мне нужно пять дней свободных, пусть оформят командировку в тыл, по какой-нибудь левой причине, а я отработаю потом их. Тот пять дней категорически не желал давать, но подумав, дал трое суток. Так что я получил чистую топографическую карту, машину, это была «полупорка» с пожилым сержантом за рулем, в кузове двое бойцов для охраны, автоматчики из комендантской роты, и вот стал объезжать позиции дивизии. В принципе, я охватывал их «Глазом», но некоторые лучше поближе посетить. Так что к наступлению темноты, когда мы вернулись, некогда чистая карта имела множество обозначений, что я передал своему непосредственному командиру, а тот уже начальнику штаба. Там закипела работа. К немцам подошли резервы, о чем наши не знали, вот и поторопились нанести артиллерийский удар. У нашей дивизии имелся легкий пушечный полк, из двух дивизионов. Это «трехдюймовки», если кто не понял, и дивизион гаубиц в сто двадцать два миллиметра. Вот их и двинули, а в полночь по этим резервам нанесли удар. Я не видел, спал давно.

Неплохо вышло. Мы следующие два дня так и стояли, и с моей помощью наши артиллеристы и минометчики выбивали пушки и минометы противника. Наносили массированные удары по их местоположению. Немцы серьезные потери в расчетах и орудиях понесли, также наши били по штабам, выявленным складам и скоплениям резервов. Два дня, и все запасы снарядов подошли к концу, но мы серьезно ослабили противника против нас. Пока выполнялся заказ на пополнение снарядов, интенданты уже давно на склады отбыли, еще не вернулись, меня и отпустили в командировку. Я с облегчением отбыл. А на следующий день, как я снова погоны капитана надел, вернулся комиссар дивизии, что отсутствовал неделю. Тот со мной изучил ситуацию и насел, узнав, что я больше не комсомолец, да и в партии не состою. Тот вообще на это дело грозный, достойный, значит, будешь. Не хочешь – заставим. Вот и склонял меня вернуться под руку комсомола. А мне этого не надо, вот и отбивался. А тут, к счастью, командировка. Я до вечера штатно отработал, передал карту, уже сам наносил, и, получив командировочное удостоверение, все что полагается, отбыл. Вещи, понятное дело, не оставлял. А как стемнело, уже был недалеко от Буга, подкинули на попутной машине. Даже на ту сторону перешел, машина попутная в пробке стояла, а там на «мессере» полетел в тыл. Конева искать. А что, думаете, я забыл и буду ждать до конца войны? Да ничуть не бывало. Найду, и будет отвечать за то, что со мной произошло. Дело принципа.

Вот так за шесть часов и добрался до окраин столицы. Даже на велосипеде на территорию города проник. Сам я в гражданской одежде был, форму снял, ну и двинул к зданию Генштаба. А откуда я знаю, где его искать? Пока устроился в парке. Использовал «Глаз», подслушивая, что происходит в здании Генштаба. Да там в основном дежурные офицеры отслеживали, что на фронтах происходило, и обрабатывали информацию. То, что Конев не принял другой фронт, это точно, я бы знал, значит, что-то другое ему поручили. Скорее всего тут где-то служит, в Генштабе. А вообще подслушивать долго могу, поди знай, помянут того или нет? Язык нужен, насчет этого я и размышлял. А информацию я получил уже в девять утра. Да просто увидел мальчонку лет десяти, что бегал, газету продавал, громко выкрикивая новости. Подозвал и, показав крупную купюру, задал несколько вопросов. Как и думал, тот много чего знал. Конев уже два месяца как маршала получил и командует сейчас Карельским фронтом. Против финнов воюет. М-да, не ближний свет. Впрочем, командировка моя только началась, да она с этого утра начинается, ночь я прихватил, так что это время не входит. Хотя сведения, полученные от мальчишки, я проверил, зашел в чебуречную, некоторые местные тут похмелялись, задавал вопросы по командующим фронтами, вот и Конева помянул. Ну так и есть, Карельский фронт. А откуда мне знать было? Где я воевал и где этот фронт? На трамвае доехал до окраин города, дальше на велосипеде, и

в лес ушел, где вскоре искупался в речушке и уснул в летнем спальнике. А то больше суток на ногах. Мне еще штаб фронта искать. Я не знаю, где он находится. Надеюсь, не в Мурманске. Это далеко.

Штаб фронта, оказывается, в Беломорске стоял. В принципе, не так и далеко от Мурманска, не сильно ошибся. Конева нашел, все что хотел сделал, причем не показываясь никому на глаза, и сразу полетел обратно. Даже не смущало то, что половину пути летел днем, благо тут глубокий тыл был, наших истребителей нет.

Успел я, эти трое суток для меня впритирку прошли, но вовремя вернулся. Даже искупался, натянул свою форму и вернулся в дивизию, которая уже второй день наступала, сбив немцев и со второй линии окопов, так что с ходу приступил к своей работе, закрыв командировку, отчего дивизия стала наступать куда увереннее. Комдив знал от и до, что во круг происходило. Несколько разведывательных групп противника в тылу дивизии уничтожили и двух корректировщиков, так и наступали, за пять дней пройдя немалые расстояния, даже освободив два небольших городка. Особо не спешили, чтобы соседи не отставали, но, когда встали, до Буга теперь семьдесят километров примерно было. А приказ поступил – встать в оборону, вот и выполняли. А тут и приказ нагнал, мне майора дали. Хм, все же член Военного Совета с понимаем отнесся, сумел я его испугать, договор он выполнил. А может, узнал, что с Коневым стало? Хотя это навер-

няка в большой секретности находится, понял, что я не шу-чу, и поторопился выполнить договоренность. Тем более ге-нералу это ничего не стоило. А может, и не знал о маршале, времени мало прошло, чтобы информация разошлась. Пусть даже слухами. Вот так снова сменил погоны, оставшись в прежней должности, удостоверение не менял, просто внес-ли новую информацию. Кстати, забавная ситуация произо-шла во время наступления. Меня же из роты забрали, ничего бойцам не объяснили, а тут я по своим делам, проводил раз-ведку и посетил их позиции. Те в шоке, молодой пацан, а с погонами капитана, иконостасом на груди. Чуть за ряженого не приняли, вот я и объяснил ситуацию с трибуналом. Впро-чем, ефрейтор Галушко что-то такое подозревал, не сильно удивился. Ну вот, едва успел звездочки майора обмыть, как на следующий день, после того как погоны сменил, прибыла группа офицеров контрразведки, трое, от подполковника до старлея. Третий – капитан. Приехали конкретно за мной.

Я комдиву сразу сообщил, если заберут, в дивизию уже не вернусь, это точно, так что тот в позу встал. Впрочем, вско-ре связались с ним из штаба фронта и надавили, уступил, вот так, забрав вещи, бумаги у этой группы серьезные бы-ли, и в машину, две легковушки было, мы покатали в тыл. Я думал на аэродром везут, в тылу нашей дивизии, в трид-цати километрах, уже тут на территории Польши, аэродром наш фронтовой развернули, истребительный полк, но нет, покатали дальше, к Бугу. Там, кстати, уже второй мост по-

строили, по одному в одну сторону, по-другому в обратную, пробок уже больше не было. По этой переправе целая армия снабжалась. Почему я про аэродром подумал, так у обоих «виллисов» на лобовых стеклах эмблемы ВВС, погоны у водителей и четырех бойцов охраны, синие, с крылышками эмблем того же рода войск. Эти трое офицеров явно прилетели на самолете и позаимствовали машины и людей на каком-то аэродроме. Только видимо тот тыловой, на нашей территории, туда и ехали. А то, что в дивизию я не вернусь, это точно, в штаб дивизии подполковник этот передал приказ о том, что меня направляют в отдел кадров Главного управления РККА, в Москву. То есть меня уже вывели из списков личного состава дивизии. Я в подвешенном состоянии. Сам я ехал в первой машине, тот капитан с бойцами во второй. Пыльно было, техника-то открытая, а мы еще вклинились в автоколонну порожних грузовиков. Так Буг проехали, еще километров десять, когда регулировщик на перекрестке показал на поворот влево, на дорогу, что вела в лес, хотя нам явно надо было прямо.

Впрочем, старший у нас, тот подполковник, особо не возражал, мы свернули и с колонной грузовиков двинули в лес. Хотя вижу, «Глаз» показал впереди разрушенный мост, что чинили, нас направили на объездную дорогу. Не ряженный тот регулировщик. С попутчиками я не общался. Еще во время свары за меня в штабе дивизии подполковник рявкнул на меня, велел заткнуться, теперь я на принцип пошел, с ним

не общаюсь. Так и двигались по лесной дороге, темнело, как-то мрачно все выглядело. Я поначалу и не понял, что происходит, пока лобовое стекло вдребезги не разнесло, а тела водителя и подполковника, что спереди сидели, задергались от попаданий пуль, как и старлей, что сидел справа от меня. Справа, по ходу движения, была довольно грамотно засада организована. Уже горело несколько грузовиков, а наши две машины из пулеметов расстреливали. Видели там бойцов охраны и убирали опасность. Меня тело старлея спасло и то, что на мне защита, это дало крохи времени, чтобы выпрыгнуть из медленно катившейся машины. Причем я успел убрать вещмешок и шинель в хранилище. Вот ППСа у меня не было, сдал перед отъездом. Ничего, запас у меня солидный, его и использую. Я, пока разведку проводил в дивизии, у бойцов наменял на вкусности всякое разное. А что, я решил коллекцию оружия собрать, хотя бы по одному экземпляру. Так что три единицы интересного оружия заимел. Это была снайперская винтовка «Спрингфилд», видимо, кто-то из немцев из Франции прибыл, с трофеем. Отдали легко, патронов к ней не было совсем. Потом добуду. Вторым приобретением был английский револьвер «уэбли», к нему всего два патрона. И немецкий карабин «маузер» с оптикой. Вот к нему целый ящик патронов.

Стоит сказать, что я на полном обеспечении был как военнослужащий, поэтому особо запасы свои не тратил, но месть Коневу, это другое. Почти тонна освободилась в хранилище

за счет потраченного топлива. В общем, тонна и тридцать шесть килограммов свободного веса. А я так и не добыл многие образцы оружия, может, у диверсантов добуду, что тут встретились? Есть куда убирать. Поэтому перекатившись и при этом потеряв фуражку, я рванул к дереву и залег, сменил накопитель в амulette, тот уже пустой, и рванул дальше, я был в зоне риска. Отбежав, укрываясь за деревьями, метров на сто, залег за стволом сосны и, достав «маузер» с оптикой, он снаряжен, снова сменил накопитель на полный, а мне в это время две пули в спину прилетело, но защита отбила, и я стал выискивать цели. Дым от горевших машин, деревья, все это мешало, но видя точки выстрелов, особенно пулеметов, тут не меньше двух десятков ручных работало, я наводил и стрелял. «Глаз» здорово помогал. Как я эту засаду не заметил? Впрочем, моя вина. «Глаз» работал в разном режиме, я не переключал его в подобие тепловизора, тогда бы он подсветил тела тех, кто в засаде. Теперь-то что уж корить себя? Я больше изучал вокруг, где тот аэродром, куда мы ехали. Время полдень, я голоден, надеялся, что доедем и покормят. В общем, я заткнул три пулемета и свалил шестерых стрелков. При этом уже видел, кто против нас действовал. Не диверсанты, не немцы. Это националисты оказались, каратели, полицаи. Вся эта накипь в лесах пряталась и вот напали. Тут для засады место удачное. Что есть, то есть. Они пытались выйти к колонне, осмотреть тела павших, собрать документы и оружие, но я, перемещаясь, не давал. Уже десяток против-

ника уничтожил. Нет, парни, теперь вы моя добыча, я от вас на отстану. Те решили атаковать строем, рванув ко мне. На звуки моих выстрелов. Я тут же достал МГ-42 с сошками и, поставив на пенек, открыл прицельный огонь, сразу задавив атаку на корню. Полтора десятка нациков положил и снова сменил накопитель. Точно стреляют, гады.

Не все в засаде погибли, я все же переключил «Глаз» в нужный режим, – четыре точки двигались прочь от дороги. Остальные остались на ней. Не знаю, всю колонну охватили или нет, но засада удалась. Атаку отбил, но меня охватывали по флангам две группы, по семь-восемь человек где-то. Это может быть опасно, поэтому я рванул к левой группе, меняя карабин на ППШ, тот тут в лесу вполне неплох. Что я отметил, «виллис» горел, тот, на котором я ехал. Огонь уже на тела погибших перекинулся. Дело в том, что предписание с направлением меня в Москву было в планшетке подполковника. При мне мое офицерское удостоверение, и все. Все документы, проездные, дорожные, все у него было. Он их получил за меня. И все это горело. Фигово. Ладно, позже об этом подумаю, а пока, укрывшись за мощным стволом сосны, с этой стороны был хвойный лес, достал боевой артефакт. Решил его использовать. Просто у двоих из карателей я заметил оружие, что точно пойдет в мою коллекцию, и не хотелось бы его повредить шквальным огнем из ППШ. Поэтому, войдя в управление амулетом, пометил пять точек из восьми, для удара, это максимум за раз, и пять голов пока-

тились по старым иголкам, почти сразу и трех оставшихся. Вот это другое дело. Подбежав к телам убитых националистов, я быстро собрал трофеи и рванул на перехват второй группы. Потом и за основную возьмусь. Потери из-за меня уже существенные понесли, но я уже решил, пока эту банду полностью не уничтожу, с хвоста не уйду. А из трофеев были МП-44, тот самый, что я искал, у бандита на ремне по бокам два подсумка, в каждом по три магазина, и седьмой в самом автомате. Снял все. У второго ППС, тоже с подсумками запасных магазинов снял. Еще глянул, кобуры у двух бандитов. В одном наган, у другого ТТ. Наган забрал, остальное не интересно, уже есть. Вторую группу тоже уничтожил боевым артефактом, бесшумно и быстро, это хорошо.

Со второй группы я снял уже три единицы оружия, которого у меня не было. Какая разношерстная группа. Один был пулеметчиком, с пулеметом «Брен», к нему восемь запасных магазинов и один, что в пулемете. Правда, патронов осталось едва полторы сотни. От оружия серьезно несло сгоревшим порохом. Недавно из него изрядно постреляли. Потом был гранатометчик с тремя фаустпатронами и польским пистолетом «ВИС» в кобуре. Все забрал с него. Третий интересный образец вооружения – это СВТ. Да, у меня ее не было. Прибрал с запасными магазинами в чехлах. Также глянул мелкие трофеи и рванул к основной группе. «Глаз» показывал, где наблюдатели, я сначала их уничтожил, все тихо, работал артефактом, заимев также ручной пулемет ДП, винтовку Мо-

сина с оптикой и комиссарский «маузер» с деревянной кобурой-прикладом. Всего бандитов я насчитал полторы сотни, около пятидесяти я уже уничтожил, осталось еще немало. «Глаз» показывал, если от основной группы отделялись мелкие, то я шел на перехват и уничтожал их. Также обнаружил пулеметчиков, тут позиция была станкового пулемета ДШК, на колесном станке, к нему шесть снаряженных лент, но бандиты его не использовали, целей для него не было. А я прибрал. Надолго банда не задержалась у места засады, минут пятнадцать, перевязали и собрали раненых, а потом двинули прочь, отправляя посыльных за своими наблюдателями или группами, что должны отсечь помощь. Те с ДШК как раз из таких. Однако я всех перехватил.

В одном месте установил МГ и ударил длинной очередью по плотной колонне врага, что шла прямо по лесу на меня. Не стоит думать, что прямо всех уничтожил. Десятка три осталось лежать, некоторые шевелились, раненые, остальные, бросив носилки с ранеными, прыгнули в разные стороны, укрываясь. Я же добил ленту, прибрал пулемет и, скатившись вниз, а стрелял со склона оврага, быстро отбежал. Бандиты вполне толково отреагировали, охватывали засаду по бокам. У меня уже такое было, только в этот раз их там по три десятка. Ничего, сначала одну группу перехватил. Потом вторую. А там и до остальных дошло. Что плохо, когда от банды два десятка осталось, то рванули по одиночке в разные стороны. Трех я из винтовки с оптикой свалил, за остальные-

ми побегать пришлось. Кстати, еще трое привели меня к бункеру, где скрылись. Точнее не так... Я «Глазом» отслеживал перемещение всех выживших бандитов и, пока уничтожал других, видел, куда эта тройка ушла, скрывшись под землей, добил самого скоростного и, добравшись до замаскированного бункера, снял двух наблюдателей и незаметно проник в бункер. А это их госпиталь оказался, там порядка семидесяти раненых и врачи. Причем наши. Их в плену держали, заставляли лечить своих. Да уж. Было трое врачей и две медсестры, заморенные, все с синяками. Били их явно часто. Да и думаю, насилие бывало. Кто бандитов сдерживать будет? Из пятерых только один мужчиной был. Тут уже боевой артефакт не использовал, работал ножом. Амулет-сканер отлично все показывал, я возникал за спиной очередного бандита, одной рукой зажимая рот, другой нанося удар в бок, доставая до сердца. Так четверых уничтожил, один из моих беглецов, один из охраны и двое из восстанавливающихся раненых были, в туалет ходили. Он тут в бункере один, на три очка.

Сам я в порядке был, кровь на меня не попадала, старался этого не допустить, форма чистая, награды на месте, пилотка на голове. Фуражку-то потерял. Кобура с пистолетом и планшетка на боку. В общем, обычный советский офицер в полевой форме. Именно таким меня увидели врачи, когда я зашел в комнату для отдыха, но для местных – камеру для содержания, где обычно врачей держали. Ко мне двое банди-

тов спиной стояли, один из них из беглецов, второй явно из охраны бункера. Стоит отметить, что бункер всего километрах в пяти находился от места засады. Бандиты не настолько идиоты, чтобы рядом устраивать бойню, где отдыхают и готовятся к новым нападениям. Да, вы правильно поняли, та банда не из бункера, они вообще с другой стороны пришли, судя по следам. Видимо, один из той тройки, что от меня убежал в панике и ужасе, ведь им не раз попадались обезглавленные тела товарищей, знал о схроне, вот и рванул сюда. Зря они это сделали, навели на него меня, остальное – следствие. Один из бандитов сообщал, что условия содержания врачей изменятся, правда, по какому поводу, сказать уже не успел, неожиданно всхлипнул и повалился на пол. Второй, дернувшись в сторону, запутался в ногах, я подножку подставил, и он тоже получил нож в грудь. Разогнувшись, вытирая тряпицей лезвие ножа и глядя на тарасившихся на меня врачей, я сказал:

– Чернобровая, снова мы с тобой встретились. В последний раз вначале зимы сорок первого это было. Думал уже все, а тут снова встречаемся.

Та, всхлипнув, вскочила с лежанки и, подбежав, обняла меня. Да и остальные тоже решили поучаствовать, кроме врача-мужчины, тот стоял и держался за грудь, видимо сердце, разбитые губы чуть кривились в улыбке, а по щекам текли слезы. Успокоить их стоило мне немалого труда, но все же повел их наружу. Как выбрались из замаскированного люка,

стали щуриться от света. Бледные, видимо давно на воздухе не были.

– Вот видите ту сосну? Идите на нее, с тропинки не сходите, тут минное поле. До сосны дошли, дальше двигайтесь чтобы солнце по правое плечо было. Там я вас нагоню. Мне в бункере закончить надо.

Стоит отметить, что никто не стал возражать или вопить, что там раненые, переглянулись и быстрым шагом двинулись по тропинке, а я вернулся в бункер. Раненых в шести помещениях держали, одно видимо для подобия офицеров. Почти все вооружены были, пистолетами и револьверами, обходить и расстреливать их было лень, заглянул в арсенал, там среди боеприпасов две тонны взрывчатки в ящиках, с нашими маркировками, видимо тоже трофеи, подготовил к взрыву, раскидал по помещениям ручные гранаты, и наверх. Нагнал врачей, и только тут позади загрохотало. Никто не выжил, я видел «Глазом». Воронка на месте бункера. Немало кусков бетонных взлетало в воздух, но до нас не достало, на два километра отошли. Хотя верхушки деревьев дрогнули от взрывной волны, но не более. Мы еще километра два прошли, по прямой направлялись к той дороге, где засада была, наверняка там работают следственные органы, да сотрудники охраны тыла, я планировал там выйти, но нас встретили раньше. «Глаз» показал солдат, что цепью шли в нашу сторону. Около роты было. На дороге суета. Вообще уже вечер был. Уничтожить такое количество бандитов дело

непростое, я за пять часов справился, большая часть времени ушла на то, чтобы нагнать их. В общем, набегался до не могу.

Нас среди деревьев быстро обнаружили, раздались вопли тревоги, но до стрельбы не дошло, так что мы спокойно дошли до залегшей цепи. К нам уже спешили два офицера, капитан и лейтенант, плюс пять автоматчиков, что их прикрывали. Не линейная рота, это было подразделение НКВД. Видимо, как раз то, что охраняет тылы и отвечает за этот участок.

Стоит добавить, что пока мы шли, врачи и две медсестры поведали мне, как попали в плен. Да так и попали, нападение на дороге и утащили их к себе. У каждого своя история. Врачи им были нужны. Хотя чернобровую у палаток медсанбата утащили, вышла покурить. Часового убили, видела его, когда мимо проносили. Кое-кто тут с зимы сорок третьего – сорок четвертого, кто-то недавно. Все, кроме мужчины, подвергались сексуальному насилию. Некоторые из раненых, угрожая оружием, заставляли удовлетворять себя. В общем, правильно я их уничтожил. Ну и я описал, как ехал в колонне, попал в засаду и занялся ее уничтожением, похваставшись, что из полутора сотен бандитов никто не ушел. Трое последних и вывели на бункер. Если бы не они, мы бы не встретились. Успели пообщаться, пока на своих не вышли. Также я в арсенале разного оружия изрядно набрал, туда видимо складывали то редкое оружие, к которому боезапас закончился, за-

то я почти три десятка набрал, даже винтовка Бердана была и ПТРД-41, ну и, заметив шашку казацкую, взял ее. Сейчас в руках нес. Надо же как-то объяснить, чем я шеи бандитов рубил. Уже доставал, красиво сверкает клинок.

Вот так подошедший капитан, козырнув, представился:

– Капитан Лагутин, отдельный полк НКВД, охрана тыла.

Кто такие? Документы.

Пока тот изучал мои документы, у медиков их не было, я пояснял:

– В дивизию запрос можно отправить, но я там уже не числюсь, получил направление в отдел кадров Москвы. Хотя там меня наверняка помнят, со скандалом забирали.

– Направление, – протянул руку капитан.

– А нет его. Меня сопровождал неизвестный подполковник, он не представился, с комдивом больше общался, в его планшетке всё. Погиб в засаде, машина и тела сгорели, там два «виллиса» было с эмблемами ВВС.

– В колонне ехали? Помню эти внедорожники.

– Да, повезло уцелеть при первом ударе, выпрыгнул на ходу, залег, добыл у убитого шофера винтовку и стал отстреливать бандитов. Я снайпер, две сотни подтвержденных. Уничтожил полторы сотни бандитов. Кстати, мне вот подарили шашку, все хотел испробовать, а тут живые манекены, почти добровольцы. Учился рубить шеи.

– Так это вы?.. – начал тот было, но заткнулся, видимо уже встречал обезглавленные тела.

– Да. Уничтожил всю банду, поверьте, никто не ушел, и трое последних привели к бункеру. Большой, бывший польский, там около сотни бандитов лечились. Их лечили наши врачи, взятые в плен, силой заставили. Я освободил врачей и взорвал бункер.

– Тот взрыв, час назад, вы про него?

– Да. Дальше, думаю, ясно, решил вернуться к дороге, а тут вы.

– Ясно, – сбив фуражку на лоб, потер тот затылок ладонью. – Сейчас вас к командованию отведут, пусть решают. Да, медикам медпомощь нужна?

Те покачали головой отрицательно, и три бойца повели нас к дороге, а рота продолжила прочесывание. Приказ с них никто не снимал, да и в то, что я уничтожил всех, похоже особо не поверили. Стоит отметить, что документы мне вернули, но шашку и пистолет попросили сдать, что я и сделал, один из бойцов нес. У врачей оружия не было. Тут уже недалеко было, быстро дошли. Разбитые машины и остовы сгоревшей техники стаскивали на обочину трактором. По дороге шла пехотная колонна, с пушками, или полк, или свежая дивизия. Работали следователи, трое, около взвода бойцов их охраняли да помогали собирать тела. Большую часть, похоже, уже увезли, где-то в братской могиле похоронят. Наблюдатель нас заметил, подал сигнал, так что встретили и довели до раздолбанной «полуторки», что следователи использовали для передвижения и как базу для работы. Ну а даль-

ше опросили. Врачей тоже. Их с сопровождением отправили на свою базу, попутной машиной, а вот меня задержали. До самой темноты я занимался двумя вещами. Писал рапорт о засаде и схватке с бандитами. Потом водил следователей и показывал, где работал, где тела лежат. Они не все нашли. Осматривали их, собирали оружие, что меня не заинтересовало. В общем, те подсчитали, нашли сто пятьдесят два тела, плюс те трое, что в бункере скрылись. Сколько точно было раненых в бункере, сообщили врачи. Воронку и развалины уже осмотрели.

Меня отвезли на свою базу, уже в два часа ночи там были, это на окраине Львова, и «Глаз» показал кое-что, что мне не понравилось. Я увидел, как чернобровую со связанными спереди руками куда-то увезли на машине. Трофейный грузовой «опель» был. Тут вообще должны были провести проверку у медиков, отправив запросы в их части. Дело в том, что за тем, как девушку сажают в машину, наблюдал один майор. Знакомый. Я его не сразу узнал, но ассоциации с чернобровой сказались. В первые дни войны, когда я вышел из окружения, спас девушек, там была и чернобровая, и со мной начали работать особисты, не скажу, что жестко, но опрашивали настойчиво. Спасенным моим это не понравилось, и они гоняли особистов в хвост и в гриву. Одного так на яблоню загнали и трясли ее, стараясь стряхнуть его. Этим особистом как раз и был тот майор, что сейчас с крыльца здания наблюдал за погрузкой чернобровой. Подозреваю, что

тот был старшим на базе. Будет тот мстить за такое унижение? От человека зависит. Наверняка ведь ему до сих пор вспоминают тот случай, придумав какое-нибудь унижительное прозвище. Просто действия с чернобровой мне не понравились, нужно готовиться. Скорее всего майор уже в курсе, что я тут снова был. Может, и не упустит свой шанс. Хотя, когда мы доехали, уже стихло все, так что меня определили в камеру, да, сразу в камеру, да еще в одиночку, где я быстро сменил гимнастерку на запасную. Пришлось погоны снимать, на ней все еще капитанские были. Зато отверстий от наград не имелось, ремень и кобуру забрали, все из карманов выгребли, погоны майора тоже забрали, не так и много там было, и вот оставили отдыхать. Судя по всему, майор перенес мое дело на утро.

Надо сказать, что я голоден был. Еще когда мы вышли к разбитой колонне, меня и медиков покормили сухпаем, это был то ли поздний обед, то ли ранний ужин, хотя ужина не было. Я голоден, поэтому из своих запасов достал солдатский круглый котелок, полный молочной рисовой кашей, сдобренной сливочным маслом, и стал быстро есть. Потом чая попил, ну и лег на нарах, мысленно все прикидывая. Амулет зарядки уже заряжал первый накопитель. Нечего время терять. Стоит сказать, что этот лесной бой многое мне дал. Что есть, то есть. Впервые такое, чтобы я за один день потратил семь накопителей, разрядив их до нуля. Шесть с амулета-защиты, один с боевого артефакта, «Глаз» потреб-

лял энергии мизер, так что тут проблем нет. Знаете, чего мне не хватало, пока за бандитами гонялся, как они в разные стороны рванули? Миномета. Накрыл бы, если бы батальонный был. От него бы не ушли, но чего нет, того нет. Стоило бы добыть. Впрочем, убирать некуда, из бункера я трофеями набрал немало, в хранилище всего триста пятьдесят граммов свободны, то, что я съел и выпил. Этот бой многое дал мне, тут не только в плане трофеев, а в методике использования амулетов и боевого артефакта в таких вот схватках. Надо сказать, по краешку прошелся. Несколько раз мне почти добавили защиту, пару пуль бы еще словил и поминай как звали. Если бы не лес, шансов бы у меня в открытом поле не было. Нет, я помню про лекарский амулет, но не думаю, что мне дали бы излечить себя, окружив. Так что опыт интересен, но повторять его желательно, имея все козыри на руках. Да, я имел их, не отрицаю, амулеты защиты и «Глаза» и есть те самые козыри, но все равно и видел немало ошибок, что сделал, и вот анализировал их. Нашел несколько новых решений, надо будет отработать, но дальше уже уснул, устал, сморило. А завтрашний день покажет, что со мной будет.

Утром проснулся от того, что открыли дверь с устрашающим скрипом. Специально не смазывают петли? Вот так зевая сел, протирая глаза, и хмуро глянул на охранника. За ним двое конвоиров стояли, значит, за мной пришли.

– Задержанный, на выход, – велел охранник.

Подтянув сапоги, что позволило незаметно убрать амулет

зарядки, быстро намотал портянки и, вбив ноги в сапоги, встал, притопнув, после чего направился к двери.

– Руки за спину, – приказал один из конвоиров, и повели меня на улицу.

С прищуром глянув в сторону солнца, определил, что часов десять утра где-то. Что-то поздновато про меня вспомнили. Вообще это похоже местная тюрьма. Все на это указывало. Видимо, сначала поляки использовали, они же и построили, потом наши, после начала войны немцы и вот снова наши. Все окружено оградой, здания мрачные из красного кирпича, с решетками. Нет, это не база НКВД, та в стороне, с казармами, тут именно тюрьма. Ее, похоже, временно используют как пересыльный пункт, и тут работают следователи и дознаватели. Один боец узнал у хозяина кабинета, можно ли меня заводить, и, получив разрешение, завели. Нет, знакомого майора не вижу. Был капитан, здоровый такой, кулаки с мою голову, за столом сидел. Плюс молодой лейтенант у окна, моих лет, тому около двадцати. Мне к слову в феврале двадцать один исполнилось. Конвой усадил меня на табуретку, и капитан представился:

– Старший дознаватель, капитан Климов. Сообщите должность, свои данные, звание и причину задержания.

– Должности нет, двигался по направлению в столицу, получить новое назначение. Последняя, помощник замначальника штаба стрелковой дивизии по разведке. Герман Геннадьевич Одинцов. Майор. Был задержан у дороги, где произо-

шла засада на автоколонну бандеровцами. Лично уничтожил всю банду в полтораста штыков. Освободил наших медиков и взорвал бункер, что бандиты использовали как госпиталь. Почему тут, не знаю. Проверить, кто я, и подтвердить личность можно легко. Один звонок в Москву или в мою бывшую теперь дивизию, и там подтвердят.

– Конечно, – улыбнулся тот, и я понял, проверять не будут, у него совсем другой приказ.

– Знаешь, капитан, прежде чем ты начнешь, немного опишу, кто я. Чтобы потом претензий не было. Под конец Харьковской катастрофы, в сорок втором, я вышел на позиции стрелковой дивизии, свежая, только прибыла на фронт. Капитаном я был, дважды Героем. Там не поверили, что я капитан, мне было девятнадцать лет. Помогал тогда выводить наши части из окружения. Я контужен был, подбили в танке, в общем, там решили, что я ряженный, пояснение просто железобетонное, мол, молод иш-шо. Начали физическое воздействие. Избивали при допросе. Я убил начальника Особого отдела дивизии, его помощника, того, кто меня бил, и конвоира. На автомате. Сам недавно из боя, а тут эти уроды. Дальше со мной начальник разведки дивизии работал, с сержантом, кулаки у него не меньше ваших. Почти забили. Ночью я оклемался, выбрался, убив часового, сил не было оглушить, потом добыл оружие и вокруг того села кружил, и когда тот майор и сержант, что меня избивал, на виду появились на улице, дважды выстрелил, и два трупа. Головы лоп-

нули, патроны подрезаны были. Я всегда мщу. Ушел, но снова к своим вышел, сообщил о нападении бандитов в нашей форме, но мне не поверили. Трибунал был, сняли все, звание и награды. Получил срок, в Казани на зоне два месяца отбывал, пока меня силой в штрафбат не взяли. Я не доброволец. Хотя я не считал, что искупаю вину, более того, считал, что все сделал правильно, и эти изверги в нашей форме мне не свои. Итак, сорок третий год, заместитель начальника Особого отдела нашего фронта начал мне угрожать, более того, пригрозил, что мой сын пострадает. Ему тогда год было. Я снова капитаном тогда был. Награды имел. Достал пистолет и выстрелил шантажисту в грудь, потом, подойдя, добил в голову. Снова трибунал, лишили всего, но искупил, вернули и звание, и награды. Вон даже майора заработал. Ты подумай, я всегда мщу. Мне насрать на трибунал и приговор.

– Это подполковника Слепакова ты убил? – уточнил настороженно слушавший меня капитан.

– Да.

– Слышал об этом случае.

– Для этого и рассказываю. Репутацию я себе сделал, нормальные офицеры сто раз подумают, чтобы на меня давить, включая применение силы. От меня не защитят ни должность, ни звание. Я не те другие бедолаги, что через вас прошли, что стараются забыть, что с ними было. Мол, работа у вас такая. А мне начхать. Найду и исполнителей, и того, кто отдал приказ. Там вы мне не свои. Сейчас я в вас врагов

не вижу, поэтому не стоит переступать черту. Это все, что я хотел сказать.

Что есть, то есть, убивать я их не хотел, но буду вынужден, дело принципа, личного авторитета и права мести. Не хотел ронять свою репутацию отморозка. Проще вот так пояснить свою позицию, дальше сами пусть думают. Я честен, даю им шанс, а воспользуются им или нет, уже дело их. Моя совесть будет чиста. Капитан около минуты думал и сказал:

– Ожидайте.

Велев лейтенанту приглядывать за мной, он покинул кабинет. Сразу зашли двое конвойных.

Пока капитана не было, я сидел и размышлял. Жаль табурет, спинки нет, чтобы откинуться в расслабленной позе, но и так продолжал прикидывать. Да я все о вчерашнем бое в лесу с бандитами. Да, я вполне осознаю, что по краешку прошел, и знаете, заставляет задуматься. Я вчера перед сном думал, сейчас тоже прикидывал и пришел к такому выводу, что в моих запасах не хватает чего-то с броней. Я вообще за универсальную технику. Мне нужна броня, плавающая, с гусеницами, желательна с пушкой. Обдумал всю советскую и немецкую линейки и понял, что идеальный вариант тут всего один. Плавающая танкетка Т-40. Правда, их выбили все еще в первый год войны, но, если поискать по рекам и болотам, может повезет и найду. Сейчас поясню, о чем я. Тот бой в лесу на кажущуюся легкость дался мне непросто. Было бы врагов на сотню больше, меня бы загоняли и уничтожи-

ли. Лес им был привычен. В поле же у меня вообще нет никаких шансов. Однако, если бы была танкетка вроде Т-40, я бы смог нырнуть в люк и затаиться внутри, пострелять прицельно из башенного вооружения, после чего, запустив двигатель, сбежать в случае опасности. Преодолев и водоем, если бы он попался. Еще и весит эта бронемашина пять с половиной тонн, как мне помнится, что не может не радовать. И проходимость неплохая, все же гусеницы, пусть и узкие.

Один минус – хранилище полное и все необходимо. Однако у меня двадцать пять тонн припасов, я помню, какое голодное время будет после войны, по рассказам, из мемуаров и фильмов, и иметь продовольственную подушку хотелось бы. Однако и танкетка нужна, сейчас я это полностью осознал. Причем не факт, что до конца войны та пригодится, я не исключаю, что после войны советские власти на меня бочку катить будут, а иметь такой шанс для прорыва все же стоит. Да и припасы добыть, если они мне понадобятся, на самом деле не так и сложно. Самолет есть, слетаю во вражеские страны, что активно помогают сейчас немцам, это я про финнов, румын или французов с итальянцами, и доберу что мне надо, совесть молчать будет. Решено. Ищу танкетку, но перед этим освобожу хранилище на десять тонн. Да, тут боеприпас для машины, топливо, но главное, полковой миномет и запас мин к нему. Конечно, мины тут мощные по калибру, но лучше больше, чем меньше и не хватит в нужный момент.

Тут мои размышления прервала скрипнувшая дверь, и ка-

питан вернулся в кабинет. Я на него без интереса взглянул. А все слышал с помощью «Глаза», о чем тот со своим начальником говорил, тем майором, которого я узнал. В общем, капитан откровенно дрейфил меня трогать, он как раз мне вполне поверил, а майор настаивал. Да, нехороший человек. Значит, и чернобровый срок отписал. Какая мстительная сволочь. Почти как я. Хотя я не пользуюсь своими возможностями по службе, предпочитаю тупо убить. Поэтому я знал, что дальше будет. Капитан велел меня в камеру увести, майор просто передавал меня другому дознавателю, из «мясников», как тот его назвал. Так что один соскочил. Другой, похоже, получит за все, если, конечно, инстинкта самосохранения не имеет. К счастью для всех, майор все же одумался, да и капитан тот подал рапорт обо мне наверх, из тыла быстро вышли на старшего офицера тюрьмы. Майор им все же не был. Заместитель он. Поступил приказ доставить меня на аэродром дальней бомбардировочной авиации и отправить в тыл попутным бортом. Самое интересное, что вызвался меня везти тот самый майор. Кстати, только подслушивая разговоры, я узнал его фамилию. Нормальная фамилия, не какая-то заковыристая. Тальков он. Тот взял «додж», тот, что «три четверти», двух бойцов для охраны, сам спереди сел. А я сзади. Места достаточно, вдвоем по факту свободно сидели. А там не заднее сиденье, а две лавки по бортам. На одной я сидел, на другой оба бойца. Трасса видимо безопасная, поэтому бойцов для охраны брать не стали. Час

ехали, аэродром не у Львова был, я уже на дальности видения «Глазом» видел аэродром, когда Тальков велел остановить машину у посадки, мол, приспичило, до ветру сходить надо. Дальнейшее стало для меня полным шоком.

Майор как-то ловко извлек из кобуры пистолет и трижды выстрелил. Один боец, что хотел спрыгнуть на землю, повис на борту вниз головой, остальные, водитель и второй боец, что успели покинуть машину, повалились. Майор двумя выстрелами добил подранка и держал меня на прицеле.

– Не ожидал? – ухмыляясь, спросил он. Место тот подгадал неплохое, с трассы мы уже съехали, сама дорога пустая, а от посадки, до нее метров пятьдесят было, бежали трое мужчин в нашей форме, два офицера и вроде старшина. Я перевел взгляд с неизвестных на Талькова и подтвердил:

– Неожиданно. Хотя, с другой стороны, уже должен привыкнуть. Вокруг меня постоянно всякая хрень случается. Так ты, значит, на немцев работаешь?

– Ага, еще в прошлом году завербовали. Да я и не против, были причины. Когда тебя взяли, я не мог не порадоваться. Сразу на куратора вышел, тот и велел время потянуть. Так что тебя к немцам, заждались там. Награда за голову не отменена, и она моя.

Тут та тройка подбежала, споро подхватывая тела убитых, снимая оружие, утаскивали подальше, маскируя в траве, я же покосился на это и уточнил:

– Ты с нами или остаешься?

– Остаюсь. Сказочку о бое с диверсантами опишу, как раненый отстреливался. Отбил, отходя, а ты вот сдался, побежал к ним с поднятыми руками.

– Не поверят.

– Поверят. Я волшебное слово знаю.

– Ну удачи желать не буду.

Почему я не отбиваюсь, хотя завалить этих четырех для меня не проблема, в том, что мне это все как раз на руку. Более чем. Так что играем пленного офицера. На мне была та же гимнастерка без наград, хотя погоны вернули, но все остальные вещи у Талькова, в вещмешке вез, к нему и шашка приторочена была, тот его передал уже диверсантам. То, что это они, я уверен на все сто процентов. Опытные, связали меня, руки за спину, еще и в районе локтей удавку накинули. Старшина устраивался за рулем машины, а один из диверсантов, с погонами капитана, вскинув руку, выстрелил в Талькова из ТТ, с пяти метров. Майор схватился за плечо и застонал.

– Нормально, – сказал диверсант. – Можно еще вторую рану, касательную, у ребер. Может, и орден за схватку с диверсантами получишь.

Тальков без колебаний поднял раненую руку, и «капитан» повторно выстрелил. Действительно касательная на боку. Дальше заскочили в машину и рванули прочь, вместе со мной, оставив Талькова. Особо не общались, видимо ранее все обговорили, сделали работу и расстались. Надо сказать,

действовали неплохо, я бы сказал на высоте, что вызывает уважение. А пока мы катили по дороге, рядом со мной «капитан» сидел, страховал, он явно старший группы; второй, с офицерскими погонами лейтенанта, что на соседней лавке устроился, точно радист, а старшина-убивец, чистильщик, я размышлял. Мне на руку это похищение, как бы странно это ни смотрелось. Я хотел пополнить хранилище тем, что мне нужно, но где время на это возьму? Я постоянно под присмотром. То, что мне комдив девяносто девятой дивизии три дня командировки дал, так это полное везение, да и я потом отработал. Договоренность у нас такая была. Что-то я сомневаюсь, что мне еще время дадут. Во время первого нападения, с засадой в лесу, возможности удрать не было, нужно было врачей до наших довести. А тут похищен, пока сам не пожелаю выйти, смогу заниматься тем, чем хочу.

Ехали мы почти час, пока не заехали в лес, там бросили машину, еще радист кинул хлыст антенны на ветку и минуты две что-то отстукивал, видать сообщал о моем удачном похищении, а потом шли продолжительное время, пока не вышли на лесную поляну.

– Все, ждем ночи и самолета. А пока... – сказал «капитан», и старшина, кивнув, достал небольшой тубус, а из него шприц с каким-то лекарством. – Ты, Одинцов, парень резвый, сбегал от нас не раз. Вот укольчик, поспишь сутки. Проснешься уже в Берлине.

– У меня аллергия на лекарства, – поторопился сообщить

я. – Пухну и задыхаюсь, умереть могу.

– Не ври, я читал твое личное дело и лист с медосмотром. Ничего у тебя нет, здоров как бык. Давай.

Да, план не сработал, думал, с немцами улечу в тыл, а в пути угоню самолет. Придется своей техникой пользоваться, потому как давать себя усыпить я не собираюсь. Вот так веревки исчезли, и в обеих руках у меня появилось оружие, наган и ТТ, и я сразу стал прицельно стрелять. Если «офицеров» застрелил сразу, то на старшину, что ловким прыжком ушел в перекат, потратил оставшиеся патроны, и половина ушла в «молоко». А руки у меня затекли, я потому две единицы оружия и использовал, не был в себе особо уверен. Тряслись руки. Однако ничего, всех завалил. Прошелся, добывая, и стал собирать трофеи. Первым делом свои вещи вернул, вещмешок они прихватили. Даже шашку не бросили. Потом трофеи изучил. Рацию прибрал, нес ее за спиной в вещмешке, и пошел прочь.

Я тут успел подумать и вот что решил. Припасы выкидывать не буду, местные жители любят рыть схроны, да и поляки разных бункеров накопили, хорошо замаскированы, поди найди. Поищу амулетом сканера подходящий, коим давно не пользовались, и схороню часть вещей. Вот и стал искать. Потом плюнул, на это немало времени может уйти, поэтому вышел к речушке, которая через лес протекала, поднялся на холм, не бункер, проверил амулетом, и проделав отверстие, просто сам стал копать нору в глубь холма. Я освободил хра-

нилище на пять тонн, достав оба самолета и часть топлива, и, убирая куски породы в хранилище, потом скидывал в реку и течение уносило муть вниз. Вот так и вырыл собственное хранилище, о котором никто кроме меня не знает, на глубине десяти метров. Тут наклонный туннель и чуть выше, чтобы водой не залило, если протечет, место для вещей. Выложил часть припасов, в основном крупы и консервы из немецких трофеев, оружия немало, часть коллекции и боеприпасов. В общем, двенадцать тонн выгрузил, заодно хорошо обслужил оба самолета. А как стемнело, да схрон вырыл и замаскировал за два часа, полетел в тыл к немцам. На «шторыхе», с той поляны только на нем взлететь можно было. Там дальше сел на пустую дорогу и уже дальше на «мессере» летел к Берлину.

Кто-то может сказать, а зачем тогда ушел? Дождался бы прилета самолета, что должен был забрать диверсантов и меня, и улетел с ним. В этом и проблема, я не знал опознавательных знаков, без которых самолет на поляну просто не сядет. Бесперспективно, если проще. Что по направлению в сторону Берлина, то я читал, что на его окраине был музей военной техники, туда немцы чего только не притаскивали, и советскую технику в том числе. Читал в мемуарах, что те, когда мы Берлин брали, использовали экспонаты. Ну громко себя не проявили, но против нас воевали. Я не знаю, есть ли там Т-40, но почему бы не проверить? Это был шанс добыть нужную технику быстро и надежно. Остальное с наших

складов добычу. Это я про боезапас. Плюс миномет. Немцы наши минометы, особенно полковые, сами используют, даже скопировали технологию и выпускают. Вот мины и миномет у них уведу. Насчет полкового я, наверное, погорячился, мне батальонного хватит, там мины полегче, больше боезапаса наберу. Дистанция в два километра, как по мне, вполне достаточно. Видно будет, чего гадать? Да, когда я немного не долетел до Берлина, сел на дозаправку, то достал ту рацию, диверсантов, и стал вызывать штаб моей бывшей девяносто девятой стрелковой дивизии. Меня там знали. К счастью, радист дежурный не спал и принял вызов.

– Срочное сообщение особистам, от майора Одинцова. Сообщаю, в тылу у Львова был похищен немецкими диверсантами, при пособничестве майора НКВД Талькова. Он застрелил лично шофера и двух бойцов охраны при перевозке и держал меня на прицеле, пока не передал диверсантам. Потом они устроили представление, прострелили ему плечо и сделали касательное ранение в бок. Еще хохмили, что он орден заработает. Прошу провести расследование, арестовать предателя Талькова. Сам я уже сбежал, сейчас у немцев в тылу. Как смогу, выберусь к нашим. Это все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.